

Историческая записка о состояніи академіи въ минувшее пятидесятилѣтіе ¹⁾.

Мм. Гг.

Предъ окончившимся полувѣкомъ новой жизни своей, Академія наша имѣетъ два съ лишимъ вѣка жизни старой. Такой долговѣчности не имѣетъ ни одно учебное заведеніе въ Россіи. Начнемъ воспоминанія о ней съ той отдаленной жизни ея, участниками или свидѣтелями которой были не только отцы наши, но и многія поколѣнія нашихъ праотцевъ, достопамятныхъ своими книжными трудами, жизненными подвигами, своими страданіями и заслугами для церкви и земли русской.

I. Старѣйшее училище это было, въ подлинномъ смыслѣ, общественно—образовательнымъ учрежденіемъ: оно своимъ основаніемъ и упроченіемъ обязано силѣ общественной самодѣятельности избранныхъ представителей русскаго общества въ край, ввѣрившихъ дальнѣйшую судьбу его попеченію архипастырей; оно существовало для лицъ не одного какого либо званія, а всѣхъ званій и состояній общественныхъ, словомъ для всего общества.

Около 300 лѣтъ до насъ, русское общество этого края, испытанное въ превратностяхъ судьбы, навывкшее, подобно вы-

---

¹⁾ Читана на Актѣ профессоромъ академіи Иваномъ Малышевскимъ.

росшей безъ опеки сиротѣ, само промышлять о себѣ, болѣе и болѣе вызываемое къ самозащитѣ политической, національною и религіозною пропагандою чуждаго ему правительства и общества польскаго, обнаружило въ себѣ замѣчательную силу духовной самодѣятельности, которая не замедлила направиться на изысканіе средствъ образованія. Братства съ ихъ школами, типографіями, учеными, проповѣдниками—лучшіе представители этой дух. самодѣятельности общества; она сказалась и въ учрежденіи кіевскаго богоявленскаго братства и при немъ школы 1615 г. ¹⁾.

¹⁾ Въ старой академіи существовало преданіе, что еще патр. Іеремія, во время своего путешествія по Россіи въ 1588—1589 г., посетивъ Кіевъ, далъ благословеніе на основаніе при кіевской богоявленской церкви братства и школы. Этого преданія не хотѣли забыть и въ новой академіи, поминая имя Іеремія въ числѣ именъ другихъ благодѣтелей академіи. Оно принято и нѣкоторыми историками академіи, въ томъ числѣ и м. Евгениемъ, который говоритъ: «патріархъ Іеремія въ 1589 г. возвращавшійся изъ Москвы чрезъ Кіевъ далъ благословеніе завести такоежъ (т. е. какъ въ Острогѣ, Вильнѣ, Львовѣ) училище и въ Кіевѣ при знатнѣйшей тогда изъ кіевскихъ русскихъ школъ, находившейся при Богоявленской церкви» (Описаніе Кіево-Соф. Соб. Прибавл. стр. 209). Трудно однако согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Прежде всего ни откуда неизвѣстно, чтъбы Іеремія на пути ли въ Москву или обратно былъ въ Кіевѣ: въ первомъ и другомъ случаѣ онъ ѣхалъ на Замостье, Вильну, Смоленскъ, посѣщая на этомъ пути и другіе города, въ числѣ коихъ ни въ какомъ актѣ не упоминается Кіевъ. Въ Кіевѣ, и то на короткое время, пріѣзжалъ только экзархъ патріарха архим. Діонисій, посланный имъ уже съ границы Валахій Агты зап. Россіи т. IV. стр. 208). Конечно, лица нуждавшіяся въ патріаршихъ грамотахъ получали ихъ иногда и не на мѣстѣ своего жительства, а въ мѣстахъ пребыванія патріарха, куда пріѣзжали къ нему сами или отправляли своихъ посланцовъ. Можно было бы такимъ образомъ предположить, что патр. Іеремія заочно откуда либо далъ грамоту и благословеніе на основаніе кіевскаго братства и школы, что эта грамота лишь утрачена, какъ утрачены или не отысканы еще и другія грамоты, наприм. житомирскому братству (Виленскій археогр. сборникъ 1867 г. т. I. стр. 58). Но то важно, что о грамотѣ и благословеніи Іеремія не упоминается ни въ одномъ изъ начальныхъ и вполне достопримѣрныхъ актовъ кіевскаго братства, начиная съ 1615 г., между тѣмъ какъ съ этимъ важнымъ и неизбѣжнымъ упоминаніемъ мы встречаемся повсюду въ актахъ тѣхъ братствъ, какъ я несомнѣнно получили начальное благословеніе отъ Іеремія и другихъ восточныхъ патріарховъ. Не имѣя

При этомъ видимъ назидательное соединеніе въ братствѣ представителей главнѣйшихъ классовъ общественныхъ: дворянъ, мѣщанъ и лицъ духовныхъ. Душею братскаго союза является благоч. и просвѣщенная женщина, достопамятная Анна Гулевичъ Лозка. «Пылая благочестивою ревностію къ древней, святой православной вѣрѣ восточной церкви и изъ любви къ братіямъ своимъ народу русскаго», она жертвуетъ свой дворъ съ строеніями и

возможности начать исторію кievской школы съ 1589 г., мы затрудняемся указать ясныя слѣды существованія ея въ слѣдовавшее за тѣмъ 25-лѣтіе до 1615 г. Извѣстная купчая запись Андрея Обухова 1594 г. упоминаетъ только о братскомъ монастырѣ, но не школѣ, не говоря уже о томъ, что эта запись не приводится въ подлинникѣ, въ какой либо выписи или копіи, а дѣлается только ссылка на нее въ грамотѣ 1694 г. Такимъ же образомъ и мнѣніе о пожарѣ 1614 г., истребившемъ будто бы братскій монастырь и школу, не могло быть доселѣ подтверждено никакимъ историческимъ документомъ. Наконецъ самыя выраженія записи Анны Гулевичевны 1615 года и братскаго уписа нач. 1616 года даютъ прямое заключеніе, что братство съ школою только теперь начиналось. Анна Гулевичъ говоритъ, что даетъ дворъ съ землею на монастырь ставропигіи патріаршей и школу, т. е. на *будущій* монастырь, *будущую* ставропигію, *будущую* школу, иначе она назвала бы этотъ монастырь, упомянула бы объ учрежденіи ставропигіи; далѣе она выражается, что только вводитъ монашествующихъ и школу въ жертвуемый ею для нихъ дворъ съ землею. А члены уписа говорятъ еще прямѣе: *начинаемъ* сей душеспасительный, дружелюбный союзъ братства церковнаго, начинаемъ по благословенію святѣйшаго, вселенскаго патріарха господина Тимофея и прочихъ святѣйшихъ патріарховъ и согласно съ уставами, которые даны отъ святѣйшихъ патріарховъ братствамъ городовъ: Львова, Вильны, Могилева и церквамъ другихъ городовъ (Памятники кievской комисіи т. II, отд. I. стр. 17. 37--8). Можно ли было бы не упомянуть тутъ о братствѣ и школѣ, получившихъ благословеніе отъ патріарха Іереміи, если то и другое дѣйствительно было? Раздѣляя так. обр. мнѣніе о началѣ кievскаго братства и его школы, высказанное почтеннымъ авторомъ «Записокъ о первыхъ временахъ его», мы не отвергаемъ, что въ Кіевѣ могли существовать при церквахъ братства, а при нихъ и школы въ той начальной формѣ, въ какой были онѣ и въ другихъ городахъ до болѣе широкаго и правильно устройства ихъ, начавшагося особенно со времени путешествія здѣсь Іереміи. И какъ примѣръ благословленныхъ имъ братствъ и школъ повліялъ въ свое время и на основаніе кievскаго братства и школы, то имя его не напрасно помпнается здѣсь, не чуждо исторіи кievскаго братства и школы, хотя исторія эта начинается только съ 1615 г.

мѣстомъ, гдѣ мы теперь находимся, на братскій монастырь, страннопріимницу и школу, назначая послѣднюю для дѣтей «христіанъ русскихъ, каковаго бы званія и сословія они ни были, въ воеводствахъ кіевскомъ, волынскомъ и брацлавскомъ», только бы пребывали въ вѣрѣ православной и послушаніи восточной церкви, святитель которой патріархъ Теофанъ, прибывъ сюда въ 1620 г., благословилъ братство и школу. Черезъ 16 лѣтъ, братственная инициатива представителей русскаго общества въ дѣлѣ нашего училища выразилась еще торжественнѣе въ избраніи пожизненнымъ покровителемъ его печерскаго архимандрита, воеводича земли молдавской Петра Могилы,—избраніи, въ которомъ кромѣ духовныхъ, дворянъ, мѣщанъ участвуетъ гетманъ Петрижицкій съ своимъ казацкимъ войскомъ, преемникъ Сагайдачнаго въ благодѣяніи братству и его школѣ. Съ своей стороны, покровитель школы даетъ торжественный обѣтъ сдѣлать все для этой школы, въ которой видитъ «единственный залогъ церкви русской», источникъ образованія «для всѣхъ православно-русскихъ дѣтей». Возвышенный вслѣдъ за тѣмъ избраніемъ высшихъ представителей общества въ санъ митрополита, покровитель школы или коллегіи своими истинно-отеческими попеченіями о ней навсегда связалъ свое имя съ нею и самый свой санъ—съ званіемъ покровителя ея. Преемники Петра Могилы, долго подобно ему избиравшіеся здѣсь высшими представителями духовнаго и свѣтскаго званія, продолжали, въ качествѣ такихъ избранниковъ и первосвятителей, покровительствовать коллегіи, потомъ академіи. Вѣчно будутъ памятны здѣсь Сильвестръ Коссовъ, Діонисій Балабанъ, Іосифъ Нелюбовичъ Тубальскій, Гедеонъ Святополькъ Четвертинскій, Варлаамъ Ясинскій, Іоасафъ Кроковскій, Рафаиль Заборовскій, Тимоѳей Щербацкій, Арсеній Могилянскій, Гавріиль Кременецкій, Самуиль Миславскій и другіе первосвятители, съ именами коихъ соединяется память о томъ или другомъ дѣлѣ отеческой

попечительности о нашей академіи. Отъ времени до времени она видѣла знаки добраго участія и заступничества за нее и другихъ вождей русскаго общества этого края, въ томъ числѣ многихъ гетмановъ, и между ними славнаго Богдана Хмѣльницкаго, грозною силою своею заставившаго польскихъ королей и легкомысленные сеймы польскіе уважать права этой коллегіи. Если съ теченіемъ времени многіе потомки тѣхъ русскихъ магнатовъ, которымъ Петръ Могила предъ смертію съ мольбою ввѣрялъ попеченіе о коллегіи, злополучно увлеклись на чуждую сторону и забыли о коллегіи, за то рано приспѣла къ ней на помощь державная рука Царей-Государей всей Россіи, какъ древней—Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михайловича, такъ и новой—Петра Великаго, Елисаветы Петровны, Екатерины II и Павла. Несомнѣнно однако, что при тѣхъ превратностяхъ, какія испытывалъ этотъ многострадальный край и городъ, а съ ними и ихъ родное, братское училище, при частой измѣнчивости условій внѣшней поддержки его, оно не выдержало бы двухвѣковаго существованія, если бы не опиралось на свою внутреннюю силу. Это сила—просвѣтительнаго призванія, добрый геній котораго, освященный преданіемъ, охраняемый самоустроеніемъ академич. братства, не отступалъ отъ мѣста сего, одушевляя учившихъ и учившихся къ перенесенію невзгодъ судьбы, трудовъ, лишеній, страданій—для ученья, для науки. И, каковы бы ни были измѣнявшіяся въ разное время отношенія мѣстнаго общества къ этому старому училищу, оно до послѣдней поры своей продолжало открывать свое ученье для юношества всѣхъ званій. Этимъ объясняется его широкая популярность. Зналъ о немъ и домовитый казакъ, которому пѣсни кіевскихъ школьниковъ напоминали о годахъ юности, проведенныхъ въ кіевской школѣ, научившей его читать, писать и Богу молиться. Зналъ и родовитый землевладѣлецъ, самъ учившійся въ ней или получившій отъ нея учителя для своихъ

дѣтей. Знали люди сановитые, здѣсь получившіе прочныя задатки образованія, уравнивашаго для нихъ пути высшаго призванія общественнаго. Знали его въ домахъ сельскихъ священниковъ, въ иноческихъ обителяхъ и пустыняхъ, на кафедрахъ святительскихъ. Отъ признательной памяти своихъ бывшихъ воспитанниковъ, изъ далекихъ мѣстъ присылавшихъ ей личныя или коллективныя пожертвованія книгами и капиталами, старая академія наслѣдовала и не малый запасъ средствъ, нужныхъ ей на содержаніе бѣдныхъ и сирыхъ изъ своихъ сотнями считавшихся, учениковъ, или на усиленіе той или другой отрасли ея образовательнаго курса.

Каково же было самое образованіе въ старой академіи нашей? Существова для всѣхъ, она и хотѣла учить всему. Курсы ея, начиная съ чтенія и письма, включали обученіе древнимъ классич. языкамъ, латинскому, греческому (не всегда) и еврейскому (позже), также нѣкоторымъ новымъ (позже), обнимали кругъ такъ называемыхъ тогда «наукъ свободныхъ», какъ поэзія, риторика, философія, къ которымъ по временамъ присоединялись и такія науки, какъ математика, физика, астрономія, архитектура, даже медицина, наконецъ завершались богословіемъ. Долго въ краѣ почти не было высшаго училища, кромѣ академіи, и она должна была дѣлать для него то, что нынѣ дѣлается соединенными усиліями училищъ низшихъ, среднихъ, высшихъ, духовныхъ и свѣтскихъ. При такой обширности задачи будемъ ли обращаться къ старой академіи съ строгими требованіями современной науки? То важно, что въ могилянскои коллегіи впервые явилась для русскаго общества своя наука, свой источникъ не только низшаго, но и того высшаго образованія, для котораго многіе родители должны были отправлять дѣтей на чужбину, особенно въ хваленныя тогда іезуитскія коллегіи, посылать скрѣпя сердце, съ ненапряснымъ страхомъ за чистоту вѣры и души ихъ. Малосодержательною кажется эта

молодая наука, занимавшаяся болѣе формами, чѣмъ предметами знанія; но все таки она умѣла упражнять умственные силы, дотолѣ непривыкшія къ напряженной работѣ, приучала давать себѣ и другимъ разумный отчетъ въ своихъ вѣрованіяхъ и мысляхъ, для которыхъ, послѣ долгаго покоя, настала пора колебанія, броженія, борьбы съ чуждыми вѣрованіями и воззрѣніями. Какъ иногда ни скудными кажутся намъ смѣлые диспуты старыхъ схоластиковъ нашихъ, все таки—это диспуты людей образованныхъ, далеко опередившихъ современныхъ имъ, невѣжественныхъ совопросниковъ изъ ревнителей старины Руси сѣверной, о которыхъ кіевскіе ученые не безъ основанія замѣчали, что они не дошли бы до такихъ безобразныхъ и опасныхъ нелѣпностей, приведшихъ ихъ къ разрыву съ церковію, государствомъ, обществомъ, если бы въ пору научались грамматикѣ, философіи, а тѣмъ болѣе—богословію. Впрочемъ старая кіевская ученость была небезплодна и важными учеными трудами, особенно въ главной своей отрасли—богословіи и потомъ проповѣди. Такъ или иначе съ нею связаны ученые или проповѣдническіе труды Петра Могилы, Исаи Троф. Козловскаго, Сильвестра Коссова, Епифанія Славинецкаго, Симеона Полоцкаго, Гизеля, Голятовскаго, св. Димитрія Рост., Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича, Теофилакта Лопатинскаго, Симона Тодорскаго, Варлаама Лящевскаго, Георгія Конисскаго, Леванды, Иринея Фальковскаго и др.,—труды, полная и безпристрастная оцѣнка которыхъ еще предстоитъ будущей наукѣ нашей.

Правда, въ кіевской наукѣ, особенно древнѣйшей, непріятно бросается въ глаза ея чужая оболочка—латино-польская. Если она могла нравиться многимъ изъ дворянъ, которые, недовольствуясь прежними братскими школами, требовали на своихъ волынскихъ сѣздахъ нач. XVII в. открытія семинарій, имѣя, конечно, въ виду латино-польскія учрежденія этого рода; то она же въ началѣ смутила кіевскихъ гражданъ, опасавшихся,

чтобы подъ чуждою оболочкою не укрылись въ братскомъ училищѣ ихъ чуждыя вѣрованія. Успокоивая подозрительность послѣднихъ, дѣятели коллегіи не безъ основанія объясняли допущеніе этой оболочки необходимостію уравнивать образованіе русскаго общества съ образованіемъ польскаго, уравнивать слѣдовательно въ средствахъ нравственной борьбы и общественной дѣятельности, гдѣ, особенно на высшихъ поприщахъ, предстоявшихъ дворянамъ, латино-польское образованіе было необходимо. «Безъ латыни, говорилъ ректоръ коллегіи Сильвестръ Коссовъ, русскій платитъ вѣны», т. е. неудачи; и мы миримся съ этою латынью, встрѣчая въ сочиненіяхъ кіевскихъ ученыхъ богатый запасъ цитатъ латинскихъ въ защиту истинъ вѣры, обрядовъ, каноновъ родной церкви, или читая лат. рѣчи Садковскаго и Конисскаго въ защиту правъ ея, услышанныя, благодаря своей сильной латыни, не только въ Польшѣ, но и въ современномъ имъ образованномъ мірѣ Европы. Мы извинимъ кіевскимъ ученымъ и ихъ польскій литературный языкъ, когда видимъ, что на немъ они защищаютъ не только истины своей вѣры, но и историческія права этого края, восходя къ временамъ св. Владиміра и напоминая ополеченнымъ или готовымъ ополчиться дворянамъ ихъ русскихъ, православныхъ предковъ временъ Владиміра и Даніила Галицкаго, наконецъ провозглашая о извѣчномъ, народномъ и религіозномъ, единствѣ его со всею Россіею ¹⁾).

Тѣмъ не менѣе, кіевскіе ученые не забывали, что ихъ полонизмъ есть лишь злоба дня, злоба злыхъ дней польскаго владычества, близкое торжество надъ которымъ коллегія ихъ воспѣла еще при Хмѣльницкомъ и по паденіи котораго они не

---

¹⁾ Такія напомниманія находимъ въ сочиненіяхъ или изданіяхъ Петра Могилы, Сильвестра Коссова, Аѳанасія Кальнофойскаго, Іоанникія Голятовскаго и др. Иногда эти напомниманія приправлялись, въ духъ вѣка, баснословными сказками о современныхъ св. Владиміру предкахъ русскихъ магнатовъ ХVІІ в.

«Прав. Исповѣданіе» Петра Могилы, долго бывшая учебникомъ въ нашей школѣ, или позже системы Теофана, Самуила,— системы, сопровождаемая рядомъ отдѣльныхъ трактатовъ, гдѣ за изложеніемъ положительнаго ученія православія слѣдуютъ обыкновенно контroversіи и др. статьи, касающіяся несогласныхъ съ нимъ пунктовъ ученія римско-кат. и протестантскаго. Все это было весьма важно въ ту пору, когда съ XVIII в. западная цивилизація обнаружила сильнѣйшее и многостороннее вліяніе на всю Россію, способное коснуться и религіознаго сознанія по крайней мѣрѣ высшаго общества. Явившись во главѣ всей русской іерархіи и ея церковнаго учительства, кіевскіе ученые, имѣя научныя преданія цѣлаго вѣка, не сторонились отъ образованныхъ иновѣрцевъ запада, какъ отъ нехристей, смѣло шли на безобидное сближеніе съ ихъ богатую наукою; но въ то же время умѣли съ честію обнаружить независимость своихъ православно научныхъ убѣжденій и, гдѣ нужно, дать разумный отвѣтъ соблазнителямъ и пропагандистамъ, надѣявшимся на обаяніе своей западной науки и цивилизаціи. Так. обр. они много помогли русской религіозной мысли пройти чрезъ искушенія, грозившія ей въ критическую эпоху реформы.

Затѣмъ мы не станемъ утомлять вниманіе ваше, Мм. Гг., частнѣйшимъ исчисленіемъ духовныхъ плодовъ, выросшихъ въ этомъ разсадникѣ для всей церкви русской ко времени реформы. Исполинская дѣятельность государства этой эпохи была почти всецѣло поглощена политикой, войною, заботами внѣшняго устройства и матеріальнаго развитія. О духовномъ некогда было много думать. Къ церкви обращались болѣе съ ограниченіями и требованіями, чѣмъ съ предложеніями услугъ, содѣйствія. Тѣмъ важнѣе и благовременнѣе были услуги ей отъ этой академіи, давшей ей особенно въ первую, наиболѣе тяжкую для нея, половину XVIII в. многочисленныхъ и зна-

менитыхъ іерарховъ, проповѣдниковъ, полемистовъ, основателей и учителей семинарій и училищъ, которыя почти всѣ могутъ назваться «колоніями» или отростками академіи, даже лучшихъ миссіонеровъ, достигавшихъ Tobольска, Иркутска и Амура, наконецъ мужей сильнаго духа и высокой святости христіанской, свидѣтельствующихъ собою, что эта, называемая иногда безжизненною, наука оживлялась и оживляла духомъ любви къ Богу, горячей ревности по вѣрѣ и церкви.

Но, по выраженію м. Евгенія, старая академія кievская «воспитала для всей Россіи не только знаменитыхъ просвѣщеніемъ и добродѣтелями пастырей, но и государственныхъ чиновниковъ и во всѣхъ состояніяхъ отличныхъ гражданъ». Ей, по началному воспитанію своему, принадлежать и такія лица, какъ канцлеръ Безбородко и первый министр Нар. Пр. графъ Завадовскій. Наконецъ многіе десятки ея воспитанниковъ вызывались въ разное время въ учителя народныхъ училищъ и въ студенты высшихъ учебныхъ заведеній, или сами посвящали себя ученой и литературной дѣятельности, и видны потомъ въ ряду извѣстныхъ русскихъ писателей, ученыхъ и профессоровъ университета (напр. Тимковскій и др.). Въ своихъ актахъ академія хранитъ многія свидѣтельства о ея плодотворной дѣятельности, внушенныя признательностію и принадлежація самымъ почтеннымъ авторитетамъ, самимъ государямъ русскимъ, начиная съ Петра Великаго, который въ сознаніи полученныхъ и еще ожидаемыхъ услугъ ея далъ ей (въ 1701 г.) титулъ академіи, прежде чѣмъ создалъ планъ новой академіи наукъ, начальные дѣятели которой сочувственно отнеслись къ представителямъ кievской и нѣкоторымъ трудамъ ихъ. Былъ здѣсь и знаменитый крестьянинъ, будущій академикъ Ломоносовъ, учившійся грамматикѣ впервые по ея учебнику; былъ и его землякъ, первый мудрецъ старообрядства Андрей Денисовъ, заимствовавшійся отъ нея не только пріемами

замедлять свергнуть и прежнюю власть полонизма въ своей литературѣ, продержавшуюся не болѣе полувѣка. Да и въ ту пору полонизмъ ихъ, выразимся словами Коссова, былъ лишь *ad forum*, а свой родной языкъ *ad chorum* ¹⁾. Для виѣшней защиты отъ врага нужно было умѣть сражаться его оружіемъ—польскимъ языкомъ: но его не допускали въ святилища внутренней жизни, зная лишь свой славяно-русскій языкъ для молитвы, проповѣди, пастырскихъ священству и народу наставленій и т. под. Съ паденіемъ полонизма, этотъ языкъ получаетъ нѣкоторое развитіе въ словесныхъ произведеніяхъ академистовъ, захватывающихъ по немногу обороты народной рѣчи бѣлорусской, малорусской и великорусской, а съ тѣмъ выѣтъ и народныя мотивы для своихъ драматическихъ издѣлій. Но выработка литературнаго, общерусскаго языка была не подъ силу школѣ, стоявшей тогда на краю Россіи. Она получила его въ свое время отъ великой Россіи.

Между тѣмъ латышъ удерживаетъ свое царство въ старой академіи,—отъ ея начала до послѣднихъ дней, какъ органъ строгой науки и системы. Въ этомъ характерѣ своемъ она была уже данью не Польшѣ, а вообще наукѣ зап. Европы. Съ конца XVI в. Россіи настала очередь испытать вліяніе этой науки, которое должно было отразиться и на ходѣ ея богословской науки, развитіи высшаго сознанія религіознаго. Въ пору процвѣтанія начальныхъ братствъ, имѣвшихъ въ своихъ школахъ учителей изъ нѣмцевъ—протестантовъ и нерѣдко заодно съ протестантами боровшихся противъ общаго врага—папизма, южно-русскіе ученые заручались пособіями, иногда идеями науки протестантской. Р. католики уже упрекали право-

---

¹⁾ Эти выраженія употреблены Коссовымъ собственно по отношенію къ греческому и латинскому языкамъ; но они могутъ быть также примѣнены къ славяно-русскому и латинскому.

славныхъ въ дух. союзѣ съ новыми еретиками запада ¹⁾. Петръ Могила, какъ высшій іерархъ церкви, не могъ сочувствовать увлеченіямъ протестантскимъ и, созидая въ своей коллегіи бог. науку, предпочелъ для нея пособія науки р. католической, находя въ ней болѣе общихъ точекъ соприкосновенія съ началами православія. Аквиная съ фалангою подобныхъ ему на долго засѣлъ въ богословскихъ трактатахъ коллегіи. На долго, но не навсегда. Съ конца XVII в. или со времени Прокоповича вновь выступаетъ вліяніе науки протестантской, послужившее къ лучшей систематизаціи богословскихъ наукъ и къ возникновенію новыхъ отраслей богословскаго вѣдѣнія, какова особенно свящ. філологія. Но рядомъ или вслѣдъ за нимъ сохраняется вниманіе и къ наукѣ католической. Это значитъ, что кіевскіе ученые не хотѣли исключительно подчиниться вліянію ни католической ни протестантской науки. Они первые послѣдовательно стремятся и достигаютъ въ значительной степени научно-сознательнаго опредѣленія какъ общихъ точекъ соприкосновенія православія съ двумя главными хр. исповѣданіями запада, такъ и существенныхъ различій перваго отъ послѣднихъ, и так. обр. сохраняютъ основы самобытнаго развитія православной науки. Выраженіемъ этого служатъ въ особенности цѣльныя катихизическія или богословскія системы, какъ напр. образцовая книга

¹⁾ Такіе упреки съ особенною настойчиво тію дѣлали Скарга, а изъ отступниковъ—Поцѣй, Смотрицкій, Петръ Ѳедоровичъ Скуминъ. Дѣлали эти упреки и самъ король, Сигизмундъ III, ведшій борьбу равно и съ православными и протестантами. Даже ревнители православія опасались послѣдствій сближенія нѣкоторыхъ изъ нихъ съ протестантами. Курбскій упрекалъ за это Константина Острожскаго Виленьскіе братчики должны были оправдываться въ этомъ предъ львовскими. Сильвестръ Коссовъ въ своей «апологіи школъ кіевскихъ и винницкихъ» долженъ былъ также защищать коллегіатовъ отъ подозрѣній въ ереси и показывать, что они понимаютъ различіе православнаго ученія отъ соцініанскаго, кальвинскаго и лютеранскаго. Есть указанія, что и самъ Петръ Могила старался вывести изъ употребленія между православными нѣкоторыя изъ сочиненій прежнихъ братскихъ полемистовъ, въ которыхъ находили слѣды протестантскихъ идей.

болѣе смысленной проповѣди среди одичавшихъ выговцевъ, но и долю научной критики, поведшей въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ къ потрясенію закоенѣлыхъ предразсудковъ ихъ, отъ которыхъ поморское безпоповство стало свободнѣе другихъ сродныхъ ему толковъ. Наконецъ, старая академія ранѣе всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеній оказала содѣйствіе и религіозному образованію бѣдствовавшихъ единовѣрцевъ нашихъ въ Молдавіи, Валахія, Сербіи, самой Греціи. Тамъ видимъ воспитанниковъ ея въ ряду учителей и даже первыхъ основателей школъ, извѣстныхъ ученихъ и пастырей, въ томъ числѣ даже константинопольскаго патріарха Констанція ¹⁾).

Но всему свое время, и широкій продолжительный отливъ отъ академіи ея образовательныхъ силъ въ другія мѣста, не вознаграждаемый въ соразмѣрной степени приливомъ новыхъ силъ отливъ, долженъ былъ обнаружиться нѣкоторымъ истощеніемъ собственныхъ силъ старой учительницы. Послѣ успѣховъ въ об-

---

¹⁾ Въ словѣ, сказанномъ 6-го янв. 1859 г. въ великой конст. церкви архимандритомъ Никифоромъ Гликоу надъ гробомъ Констанція, упоминается и о пребываніи его въ академіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Πρὸς ἐπεκτασιν δὲ τῶν φιλοσοφικῶν καὶ θεολογικῶν αὐτοῦ γνώσεων ἀποστέλλεται μετ' αὐτοῦ εἰς τὴν ἐν Κιόβῳ Ἀκαδημίαν, ὅπου ἐν τετραετεί διαστήματι, μετὰ συντόνου καὶ παραδειγματικῆς φιλοπονίας, ἐδιδάχθη πάσας τὰς ἐν αὐτῇ διδασκομένας ἐπιστήμας ὑπὸ τοῖς ἀρίστοις τῶν τότε καθηγητῶν, καὶ ἐξέμαθεν ἐντελῶς τὴν λατινικὴν καὶ τὴν ρωσσικὴν γλῶσσαν». Въ словѣ приводится (въ примѣчаніи) и краткая автобіографія, написанная Констанціемъ по просьбѣ одной «благочестивой и знатной женщины». Здѣсь патріархъ упоминаетъ о своемъ обученіи въ кievской академіи: «Κατὰ δὲ τὸ 1791 ἔτος, ταξίμ ιεροδιακόνου τηνικαῦτα ἔχων, ἀπὸ Ιασιῶ τῆς Μολδαβίας μετέβη εἰς τὴν ἐν τῇ πόλει τοῦ Κιόβου τῆς Ρωσσίας ἀρχαίαν Ἀκαδημίαν, ἐν ᾗ ἤκροάσατο ρητορικὴν, φιλοσοφίαν καὶ θεολογίαν παραδιδόμενας λατινιστὶ. Καὶ ἄλλας ἔτι ἐπιστήμας γαλλιστὶ μαθητευόμενος». Такимъ образомъ съ 1791 г. Констанцій прослушалъ полные курсы высшихъ классовъ въ кievской академіи. Въ 1797 г. онъ чрезъ Константинополь отправился въ Египетъ, отгуда на Синай.

щемъ движеніи русской науки и образованія, особенно съ 60-хъ годовъ XVIII в., Alma Mater наша, жившая вдали отъ центровъ образовательнаго развитія Россіи, почувствовала себя нѣсколько отсталю: ободряемая своими протекторами, особенно просвѣщеннымъ архипастыремъ Самуиломъ Миславскимъ, академія старалась обновить и возвысить свое образованіе, заимствуясь для этого образовательными силами изъ Великороссіи, въ частности университета московскаго, также изъ-за границы. Хотѣли своимъ ходатайствомъ пособить ей въ этомъ дѣлѣ и мѣстные представители государственной власти, весьма часто только у нея находившіе кандидатовъ для такихъ мѣстъ служебныхъ, гдѣ требовалось образованіе. Была даже мысль преобразовать академію въ университетъ, расширивъ существующіе въ ней курсы и образовавъ новые факультеты, среди которыхъ оставался бы съ подобающимъ значеніемъ и обширный факультетъ богословскій. Если бы эта мысль осуществилась въ свое время, то вліяніе обновленной и расширенной академіи, сильной вѣковымъ преданіемъ о своемъ призваніи въ краѣ, во многомъ успѣло бы парализовать то враждебное краю и всей Россіи вліяніе, какое исходило изъ основавшихся на западныхъ окраинахъ Россіи разсадниковъ высшаго польскаго образованія. Къ сожалѣнію, эти послѣднія получали болѣе сильную поддержку, чѣмъ наша академія, стѣсненность которой внушала такое фанатическое злорадство Чацкому, одному изъ главныхъ вождей польско-цивилизаторской пропаганды ¹⁾. Между тѣмъ общій ходъ общественнаго и образовательнаго развитія Россіи далъ другой исходъ и дѣлу преобразования академіи.

¹⁾ Впрочемъ въ своей рѣчи, говоренной въ январѣ 1812 г. при открытіи гимназій въ Кіевѣ, Чацкій, коснувшись исторіи образованія въ краѣ, сказалъ нѣсколько сочувственныхъ словъ о начальныхъ временахъ старой академіи, упомянулъ Анну Гулевичеву, Цетра Могилу. Но тутъ же старался представить благодѣтелемъ ея и польское правительство, а самой коллегіи навязывалъ призваніе примирить русское общество съ польскимъ правительствомъ и обществомъ.

II. Почтенному собранію извѣстны мудрыя и благія намѣренія благословеннаго монарха, такъ ревностно выполненныя просвѣщенными членами достопамятнаго комитета 1809 г.,— намѣренія, одушевлявшія дѣло преобразованія духовныхъ училищъ по новому, выработанному имъ плану. Послѣ преобразованія академій петербургской и московской съ ихъ округами приспѣло оно и для кievской. Изъ всеучилища, хотѣвшаго учить всѣхъ, обнять по возможности всѣ предметы и степени общаго и духовнаго образованія и вмѣщавшаго многія сотни воспитанниковъ разнаго возраста и званія, академія должна была специализироваться въ высшее духовно-учебное учрежденіе лишь съ десятками избранныхъ по дарованіямъ и успѣхамъ воспитанниковъ духовнаго званія, съ яснѣе и строже опредѣленнымъ курсомъ наукъ образовательныхъ и богословскихъ и съ высшими научными требованіями изученія ихъ, съ болѣе и правильнѣе устроеннымъ порядкомъ управленія, сосредоточеннымъ въ высшемъ церковно-правительственномъ учрежденіи, наконецъ съ болѣе обезпеченными средствами учебными и экономическими. Подводимая подъ общій типъ новыхъ правительственныхъ, духовно-учебныхъ заведеній, академія должна была отрѣшиться отъ нѣкоторой своеобразности, нажитой исторически, отрѣшиться и отъ прежнихъ соотношеній общественныхъ съ мѣстной средою, замыкаясь въ свой исключительный кругъ дѣятельности и сосредоточивая ее на своей непосредственной задачѣ—высшаго и болѣе самостоятельнаго развитія духовной науки.

Замѣчая однако, что collegія не выполняла этого воображаемаго имъ своего призванія, онъ сѣтуетъ, что наслѣдіе Анны Гулевичевны «w obcychъ już iest ręku» (уже въ чужихъ рукахъ), что collegія или академія стала наконецъ *только духовною*. Съ этихъ поръ, прибавляетъ Чацкій, почти не зналъ о ней ученый міръ: но зналъ Петръ Великій о Теофанѣ Прокоповичѣ, который былъ украшеніемъ этой академіи.

Преобразователями академіи, давшей нѣкогда первыхъ ученыхъ Великороссіи, явились теперь великоруссы, воспитанники петербургской академіи (частію потомъ московской). Во главѣ ихъ были ректоръ Моусей (Антиповъ) и профессоръ Иванъ Михайловичъ Скворцевъ. Они прибыли сюда въ 1817 г. Не безъ смущенія, говоритъ преданіе, встрѣтили въ старой академіи молодыхъ реформаторовъ. Но оно же прибавляетъ, что умѣлая обходительность, къ какой они настроены были сверху и какая сообразовалась съ ихъ собственнымъ гуманнымъ характеромъ, значительно примиряла старыхъ академиковъ съ новыми, а послѣднимъ облегчала дѣло преобразованія. Оно началось, какъ выражались тогда, «съ разбора» старой академіи, который уже давалъ чувствовать превосходство предъ нею ожидаемой новой. Изъ учителей старой академіи никто не намѣченъ для новой, хотя нѣкоторые изъ нихъ еще найдутъ свое дѣло и почетное положеніе въ составѣ акад. корпорации. Изъ студентовъ старой академіи оказалось еще невозможнымъ выдѣлить довольно приготовленныхъ для образованія 1-го курса новой, и академія, болѣе вѣка носившая этотъ титулъ, преобразована сперва въ семинарію, гдѣ лучшіе ея воспитанники должны были доучиваться еще два года, чтобы подготовиться къ поступленію въ будущую академію. Въ новую семинарію и училища собраны были, кромѣ воспитанниковъ академіи, священническія дѣти изъ разныхъ другихъ мѣстныхъ школъ, въ томъ числѣ польскихъ, гдѣ польское образованіе увлекало ихъ на разные пути частной службы и дѣятельности въ средѣ мѣстнаго общества: возвращеніе ихъ въ новыя духовныя училища было теперь для нихъ возвращеніемъ и къ своему сословію (хотя для иныхъ вынужденнымъ и не со всѣмъ пріятнымъ) и къ общерусскому образованію, высшею представительницею котораго въ духовномъ вѣдомствѣ должна была здѣсь стать академія. Между тѣмъ къ открытію ея надлежало

деміи шесть, но безъ Иннокентія, взятаго для с. петербургской академіи. Кромѣ воспитанниковъ, оставляемыхъ въ академіи непосредственно по окончаніи курса, вызывались въ нее и другіе — изъ тѣхъ профессоровъ семинарій, которые извѣстны были въ ней по недавнимъ успѣхамъ студенческимъ и преподавательскимъ въ семинаріи. Такимъ образомъ наша академическая корпорація развивалась только изъ себя. Но не легко и какъ бы съ болью давалось ей это начальное развитіе. Одни изъ молодыхъ преподавателей, особенно тѣхъ, которые со скамьи студенческой непосредственно переходили на кафедру преподавательскую, надрывая силы надъ созданіемъ заново еще не имѣвшихся системъ и курсовъ научныхъ, преждевременно умирали или увольнялись по болѣзни, дѣйствительно приведшей ихъ къ преждевременной кончинѣ уже внѣ академіи. То были первыя жертвы рождающейся наукѣ академической, къ которымъ присоединятся потомъ и новыя! Другіе оставляли академическую службу для семинарской или епархіальной, преимущественно на родинѣ, что объясняется и сознаннымъ ими недостаткомъ средствъ къ обработкѣ своихъ научныхъ курсовъ, и надеждою въ соединеніи семинарской службы съ епархіальною найти обезпеченіе, необходимое въ семейной жизни, какого не могла дать служба академическая. Наконецъ нѣкоторые изъ молодыхъ преподавателей скоро выходили на гражданскую службу, а монашествующіе чрезъ два—три года переводились на инспекторскія и ректорскія мѣста въ семинаріи, также недавно преобразованныя и нуждавшіяся въ людяхъ. Такъ образ. въ теченіи 10—11 лѣтъ въ академической корпораціи смѣнилось болѣе 20 лицъ, и, вѣроятно, смѣнилось бы еще болѣе, если бы нѣкоторые преподаватели не соединили своего званія съ званіемъ кievскихъ приходскихъ священниковъ ¹⁾.

---

¹⁾ Смѣнились именно слѣдующія лица: ректоры: Мовсей, Мелетій, Кирилъ, Платонъ, Смарагда; инспекторы (послѣ Мелетія и Смарагда): Іустинъ, Нилъ; профессоры и бакалавры: Огіевскій, Максимовичъ (Александръ), Бѣльчинскій, Сав-

При такой смѣняемости лицъ въ академической корпораціи, въ ней не могла прочно установиться союзная дѣятельность и послѣдовательность научныхъ занятій, обогащающая общее достояніе науки. Каждому почти приходилось дѣлать заново, отрывочно, а чрезъ это увеличивалась тяжесть учебнаго труда. Не легокъ былъ этотъ трудъ и для воспитанниковъ. Чрезъ мѣсяць по открытіи академіи одинъ изъ нихъ писалъ своему отцу: «уже я вступилъ въ училищный подвигъ и, при помощи Вышняго, сколько могу, подвизаюсь симъ добрымъ подвигомъ. Признаться, теперь намъ не возможно не только что либо постороннее сдѣлать, но и подумать о томъ. Всякій день должно списать не менѣе 3-хъ листовъ; а выучить ихъ когда? Словомъ сказать, труды таковы, ихже око не видѣ, ухо не слыша и на сердце мое не всходило. Но сила Божія въ немощахъ совершается: Богъ помощникъ мой». Прилежный студентъ (Иванъ Мацѣвичъ) скоро заплатилъ жизнью за свое прилежаніе. И это примѣръ не одинокій. Въ первое 10-тилѣтіе академіи видимъ смертность между студентами, какой не замѣчаемъ во всѣ слѣдующія 10-тилѣтія. Гораздо больше видимъ тогда и примѣровъ выбыванія изъ академіи студентовъ, хотя между тѣмъ число поступавшихъ въ академію за это 10-тилѣтіе было въ сложности гораздо меньше, чѣмъ въ слѣдующія. Замѣтимъ, что это умирание и выбываніе не можетъ объясняться какими либо условіями внѣшней жизни студентовъ. Тотъ же студентъ называетъ ее «благородною», хвалится отцу приличіемъ обстановки, достаткомъ въ содержаніи, въ которомъ, какъ видно, впрочемъ былъ

чепковъ, Колоколовъ, Орловъ (Василій), Кореловъ, іер. Евгеній (Соловьевъ), іер. Рафаилъ, Ставровъ, Карлъ и Иванъ Грузины, іер. Анатолій, Соколовъ. Частые выходы преподавателей академіи на епархіальную службу объясняются еще тѣмъ, что само высшее начальство поощряло такіе выходы, предлагая епархіальнымъ начальствамъ замѣщать кандидатами и маистрами академій важнѣйшія должности епархіальной службы.

еще приготовить академическія зданія, старыя и обгорѣлыя послѣ страшнаго для Кіево-Подола и академіи пожара 1811 г. Дѣло устроилось, благодаря энергіи ректора Моусея, который, по преданію, самъ иногда прилагалъ руки къ работамъ каменщиковъ и плотниковъ, чтобы заохотить къ этому гимнастическому, въ часы досуга, упражненію учениковъ семинаріи и училищъ. Къ сентябрю 1819 г. прибыли изъ С.-Петербурга еще новые наставники для академіи; прибыли въ числѣ 53-хъ и новые студенты изъ 11 семинарій, кіевскаго округа. 28 сент. послѣдовало самое открытіе академіи, устроенное маститымъ архипастыремъ, м. Серапіономъ, съ особенною торжественностію. Въ торжествѣ приняли участіе мѣстное духовенство съ архипастыремъ во главѣ, преподаватели и воспитанники училищъ, семинаріи, высшіе представители мѣстной администраціи и члены городского управленія. Послѣ литургіи въ Успенскомъ соборѣ, крестнаго хода изъ него въ братскую церковь и молебствія въ ней, совершился въ этой самой залѣ актъ открытія академіи. Здѣсь, по объявленіи правительственныхъ распоряженій касательно академіи и по обычнымъ многолѣтствіяхъ, пропѣтъ, по старому обычаю, сочиненный на этотъ случай кантъ, во время котораго м. Серапіонъ окроплялъ св. водою учащихся, студентовъ, залу и классы; затѣмъ произнесены были рѣчи ректоромъ, инспекторомъ Михаиломъ Леотовичемъ, и бакалаврами: философіи Скворцевымъ и словесности Соколовымъ. Рѣчи Моусея, объяснявшаго общій духъ преобразованія и новой акад. науки, и Скворцева, говорившаго по латыни, — о *метафизическомъ началѣ философіи*, были наиболѣе памятны въ академіи и заслужили особенное одобреніе комиссіи дух. училищъ, разрѣшившей напечатать ихъ для разсылки по кіевскому учебному округу. Актъ заключенъ пѣніемъ стиха: *Слава въ вышнихъ Богу* и архипастырскимъ благословеніемъ студентамъ. Торжество завершилось собраніемъ у гостепріимнаго

ректора Мовсея, гдѣ благодушный архипастырь Серапіонъ старался ближе ознакомиться и ознакомить посѣтителей съ новыми дѣятелями академіи.

Перейдемъ къ обзору академической науки за истекшее 50-тилѣтіе. При единствѣ основныхъ началъ и главныхъ предметовъ ея, опредѣленныхъ первыми организаторами ея для всѣхъ академій, можно однако усмотрѣть въ ней черты послѣдовательнаго развитія, выражающіяся въ освѣжающихся пріемахъ преподаванія, въ расширяющемся составѣ научныхъ курсовъ и въ самомъ направленіи научно-литературной дѣятельности ея представителей.

Въ началѣ, особенно въ первое 10-тилѣтіе, наука наша представляетъ съ одной стороны неизбѣжные слѣды вліянія старой съ ея латынью, формализмомъ, даже иногда старыми учебниками; съ другой—начатки новаго болѣе научнаго развитія, которое однако дается съ трудомъ, касается лишь немногихъ главныхъ предметовъ академич. курса и, рѣдко заходя въ спеціальность, ограничивается обрисовкою общихъ чертъ научныхъ системъ, предлагаемыхъ съ догматическою опредѣлительностію и авторитетностію.

Первое десятилѣтіе академіи было весьма тяжелымъ для нея. Нѣсколько лѣтъ (1819—1823) она живетъ только съ 5—6 преподавателями, и въ теченіи всего десятилѣтія въ ней не могла опредѣлиться постоянная корпорація дѣятелей. Въ десять лѣтъ въ академіи смѣнилось пять ректоровъ (тогда какъ во все остальное 40-лѣтіе только 7), четыре инспектора, а ректоры и инспекторы, не забудемъ, были вмѣстѣ профессорами главныхъ богословскихъ наукъ. Такую быструю смѣняемость лицъ видимъ и во всей академической корпораціи. Послѣ первыхъ преподавателей, полученныхъ отъ академій петербургской и московской, академія наша, пополняла свою корпорацію своими же воспитанниками, которыхъ изъ перваго курса оставлено въ ака-

и невзыскателенъ. Тяжба была именно самая наука, раждавшаяся въ новой академіи, такъ сказать, съ нравственными болями ¹⁾.

При всемъ томъ эта наука дѣлала успѣхи, сказавшіеся особенно въ дѣятельности нѣкоторыхъ представителей, болѣе памятныхъ академіи. Таковъ прежде всего 1-й ректоръ и профессоръ Моусей, давшій истинно-доброе начало нашей богословской наукѣ, поставивши во главу ея глубокое изученіе священнаго писанія—своими, по русски читанными, лекціями по этому предмету, которыя доставили ему степень доктора богословія. Съ достоинствами профессора соединявшій достоинства умѣлаго и энергическаго распорядителя, положившаго основаніе всѣхъ новыхъ построекъ въ академіи, привѣтливаго начальника, дружелюбнаго сослуживца, уважаемый архипастырями Серапіономъ и Евгеніемъ, онъ заставилъ академію жалѣть объ одномъ—о томъ, что рано былъ взятъ у нея для высшаго іерархическаго служенія, которое заключилъ въ санѣ экзарха Грузіи

---

¹⁾ Статистика студентовъ за первые три десятилѣтія представляетъ слѣдующія замѣчательныя цифры: въ 1-е десятилѣтіе поступило въ академію 219 человекъ, выбыло 39, умерло 14; въ 2-е поступило 294, выбыло 26, умерло 9; въ 3-е поступило 321, выбыло 19, умерло 17. Въ виду этихъ цифръ можно вѣрить преданію, что въ первые годы новой академіи въ нее поступали не очень охотно, нерѣдко по принужденію семинарскихъ или епархіальныхъ начальствъ, обязанныхъ удовлетворять дѣлаемые академіею вызовы воспитанниковъ изъ разныхъ семинарій для составленія новыхъ курсовъ академіи. Это ведетъ къ заключенію, что если бы не было этихъ обязательныхъ вызововъ и посылкокъ въ академію, то численность воспитанниковъ ея была бы крайне невелика, особенно въ первые курсы. Не смолчимъ и о другомъ преданіи, что не только въ первое, но и во второе десятилѣтіе академіи, чаще чѣмъ потомъ, бывали въ пей примѣры помѣшательства студентовъ. Притомъ несчастіе это чаще постигало студентовъ особенно даровитыхъ и прилежныхъ. Остерегаемся отъ выводовъ изъ указанныхъ фактовъ. Думаемъ однако, что было бы интересно сопоставить ихъ съ фактами изъ начальной исторіи другихъ академій: выводы изъ такой совокупности фактовъ, быть можетъ, были бы назидательны.

(† 1834). Между тѣмъ въ догматикѣ и самъ Мовсей и его преемники, также какъ и преподаватели другихъ богословскихъ наукъ, еще не оставляли латыни, выражавшей зависимость отъ старыхъ латинскихъ системъ: нѣкоторыя изъ нихъ сама коммиссія духовныхъ училищъ сдѣлала съ 1825 г. обязательными для академіи. Были попытки выйти на новый путь, возвыситься надъ старыми системами. «Вы еще не слышали богословія», говорилъ въ 1827 г. студентамъ одинъ ректоръ (Смарагдъ), намекая на старую догматику, читавшую до него, и на свою будущую ¹⁾. Но и въ этой послѣдней новаго не много. Для новаго требовалось время, требовались еще новыя силы. Сильный запасъ этихъ силъ уже имѣлся бы въ академіи, особенно въ лицѣ ея воспитанника 1 курса Ивана Борисова, буд. Иннокентія, читавшаго на публичномъ испытаніи часть своего разсужденія *о нравственномъ характерѣ Иисуса Христа*, которое предвѣщало въ немъ автора «Послѣднихъ дней земной жизни Господа Иисуса Христа». Но академіи теперь не дано было удержать при себѣ эти силы. Основателемъ философской науки въ академіи былъ Ив. М. Скворцевъ. Онъ читалъ свои лекціи по-латыни, дававшей запасъ выработанной научной терминологіи, еще не имѣвшейся въ русской рѣчи. Но подъ старою формою чувствуется у него новое содержаніе. Новостію въ его философствованіи

---

¹⁾ Ректоръ Смарагдъ намекалъ здѣсь на своего предшественника Кирилла Куницкаго. Это былъ воспитанникъ старой академіи. Ему одному изъ воспитанниковъ ея довелось не только начальствовать, но и преподавать въ новой академіи. Не отличаясь особенною ученостію, онъ былъ всѣми уважаемъ за глубокое благочестіе и доброту. М. Евгеній назначилъ его ректоромъ академіи, обойдя Смарагда, считавшаго себя кандидатомъ на эту должность, чѣмъ отчасти и объясняли рѣзкое сужденіе его о Кириллѣ. Ставши послѣ него ректоромъ, Смарагдъ не опускалъ случая въ самыхъ бумагахъ къ Евгенію намекать на неурядицы въ дѣлахъ академіи, найденныя имъ послѣ предшественника. Бывшій между Кирилломъ и Смарагдомъ ректоръ Платонъ пріѣхалъ изъ Москвы больнымъ, и чрезъ два съ небольшимъ мѣсяца скончался.

была прежде всего *исторія философіи*, курсъ которой обнималъ у него философію восточную, греческую, средневѣковую, новую съ Бэкона, Декарта и Лейбница, и новѣйшую отъ Канта до Шеллинга. Новостію было то, что онъ изучалъ философовъ не въ старыхъ схоластическихъ изложеніяхъ, а въ самыхъ источникахъ, доступныхъ ему при превосходномъ знаніи древнихъ и главнѣйшихъ новыхъ языковъ, — что въ свою исторію вносилъ онъ строгую критику, — критику впрочемъ голько догматическую, высшимъ слѣдствіемъ которой было для него откровеніе, и талантъ къ которой выразился въ его изслѣдованіяхъ о философіи Канта, доставившихъ ему, вмѣстѣ съ однимъ богословскимъ сочиненіемъ (о посланіи къ Ефесеямъ) степень доктора богословія. Кромѣ исторіи философіи онъ читалъ *въ одинъ и тотъ же курсъ* логику, психологію, метафизику и нравственную философію. Возможность прочтенія въ одинъ курсъ столькихъ системъ объясняется съ одной стороны строжайшею аккуратностію, съ какою онъ выдерживалъ длинные часы своихъ лекцій, убавить или пропустить которые не могли заставить его никакія случайности, съ другой — особенною, ему свойственною, сжатостію и опредѣлительностію изложенія, чуждаго всякихъ прикрасъ и уклоненій. Самый тонъ преподаванія его отличался догматическою твердостію и докторальностію, требовавшею и отъ слушателей отчетливаго и твердаго уразумѣнія его уроковъ, которое не допускало ни выучки безъ яснаго сознанія, ни замѣны мыслей и свѣдѣній бойкими фразами. Болѣе сочувственное философіи Лейбница, но почерпавшее новые элементы и въ философіи Кантовской, философствованіе Скворцева было удерживаемо при первой и нарочитыми внушеніями членовъ коммиссіи, болѣе довѣрившихъ философіи уже имѣвшей за собою авторитетъ преданія. Скоро на кафедрахъ философіи явились и первые ученики Скворцева, изъ коихъ ближе къ нему былъ профессоръ Алексѣй Шокотовъ. Въ словесности, какъ

общей такъ и церковной, ярко выступаютъ успѣхи новой науки, оставляющей за собою реторики и гомилетики прежней поры. Курсъ общей словесности обнималъ у профессоровъ Соколова и Я. Крышинскаго эстетику, аналитику слова, теорію поэзіи и краснорѣчія и частію исторію литературы. Къ сожалѣнію, П. Соколовъ пробылъ въ академіи не болѣе курса, а проф. Я. Крышинскій, котораго еще зналъ и уважалъ Иннокентій, преждевременно скончался, не обработавъ окончательно своего обширнаго курса. Курсъ церковной словесности обнималъ сперва исторію проповѣдничества, потомъ его теорію и практику. Первая часть особенно замѣчательна у профессоровъ А. Пушнова и Ставрова. Начиная исторію проповѣди съ временъ библейскихъ, она обнимала проповѣдничество временъ отеческихъ до VIII в., потомъ среднихъ вѣковъ на западѣ, далѣе—новѣйшее проповѣдничество во Франціи, Испаніи, Италіи, Германіи и Англіи, наконецъ проповѣдничество въ Россіи,—древнее, южно и западно-русское, потомъ новѣйшее, гдѣ особенно останавливались на проповѣдникахъ эпохи Петра Великаго и Екатерины II. Конечно, такая обширная исторія могла быть изложена тогда лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, развитіе которыхъ требовало времени и труда. Къ сожалѣнію, и эта наука не по-долгу бывала въ однихъ рукахъ (Пушнова, Ставрова); да и тѣ записки, какія уже были составлены по ней преподавателями, найдены были слишкомъ обширными для переписки и изученія студентами, и распоряженіемъ высшей администраціи наука эта возвращена къ извѣстному старому «Руководству къ церк. краснорѣчію» ¹⁾. Успѣху проповѣднической науки старался помочь Евгеній, предложивъ академіи перевести польскую, переведенную съ французскаго, книжку: *Совѣтъ молодому проповѣднику*. Книжка переведена

¹⁾ Впрочемъ новый постъ первыхъ двухъ бакалавръ церковнаго краснорѣчія Рафаиль Шипулинскій съ 1829 г. снова вносилъ въ свой курсъ исторію проповѣдничества.

студентами подъ руководствомъ профессора и издана еще въ 1824 г. Между тѣмъ наставники и студенты писали и сказывали свои проповѣди. Но если новая наука проповѣдническая могла стать выше старой, то самая проповѣдь не легко и не во всемъ могла подняться выше прежней. Новымъ акад. проповѣдникамъ духовная дикастерія не замедлила поставить на видъ, что въ силу 23-го пункта Регламента, они должны не только наблюдать строгое приличіе въ рѣчи, но и не входить въ разсужденія «о постороннихъ матеріяхъ», подъ которыми разумѣлось тогда многое. Новая проповѣдь должна была такимъ образомъ сдѣлаться сдержанною, пожалуй болѣе приличною въ сравненіи съ своенравственнымъ иногда тономъ старой проповѣди, но вмѣстѣ менѣе внимательною и чуткою къ требованіямъ жизни. Она становилась болѣе отвлеченною, книжною, выиграла въ глубинѣ и силѣ догматической мысли, но не въ общенародности, не въ силѣ вліянія на мѣстное общество, еще помнившее знаменитаго Леванду. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ академическихъ проповѣдниковъ пользовались извѣстностію, какъ Моусей, Скворцевъ, частию Пушкиновъ. Послѣдніе два издали потомъ и собранія своихъ поученій. Но въ академіи уже начиналъ сказываться блестящій проповѣдникъ изъ студентовъ—Иванъ Борисовъ, четыре проповѣди котораго вмѣстѣ съ проповѣдями его товарищей были, къ большой радости м. Евгенія, изданы академіею въ 1825 г.

Въ языкознаніи преобладала латынь. Каѳедры латинскаго языка не было въ академіи; она казалась и не нужною въ ту пору, когда главнѣйшія науки читались по латыни, когда по латыни студенты писали большую часть своихъ сочиненій частныхъ и половину курсовыхъ. Однако забота о латинской стилистикѣ обходилась не безъ ущерба свободѣ мысли и самому содержанию сочиненій, недостатки котораго могли выкупаться или прикрываться блестящею латынью. Только въ публичныхъ ис-

пытаніяхъ, «ради стороннихъ посѣтителей» допускался русскій языкъ для студенческихъ отвѣтовъ по богословію и философіи. Изученіе греческаго языка, имѣвшаго особую кафедру и, поддерживалась обычаемъ давать студентамъ греческихъ отцовъ для домашнаго чтенія, въ которомъ потомъ требовался отчетъ, что примѣнялось также къ языкамъ новымъ. Были въ академіи знатоки еврейскаго языка, какъ А. Максимовичъ, Сп. Гуляевъ, переводившіе, въ 1822 г. по порученію комисіи духовныхъ училищъ, книгу Левить; а съ 1827 г. Ст. Соловьевъ, составившій халдейскую грамматику, одобренную потомъ м. Евгеніемъ и Павскимъ ¹⁾. Но особенно богатаго филолога надѣялась академія имѣть въ Ѳ. Шимкевичѣ. Онъ обратилъ на себя вниманіе м. Евгенія еще студенческимъ разсужденіемъ 1824 г. *о просвѣщеніи древнихъ евреевъ, ихъ успѣхахъ въ наукахъ и изящныхъ искусствахъ*, которое и напечатано въ Ж. М. Нар. Просвѣщенія. Утвержденный въ степени магистра богословія *и словесныхъ наукъ*, онъ былъ оставленъ бакалавромъ нѣмецкаго языка, въ преподаваніе котораго студентамъ вносилъ, какъ самъ выражался, «филологическія упражненія». Между тѣмъ въ кругъ филологическаго изученія его вошли, кромѣ древнихъ языковъ, еврейскаго, халдейскаго, греческаго, латинскаго, почти всѣ языки и даже нарѣчія европейскія, наконецъ славянскія нарѣчія съ древнимъ языкомъ и нарѣчіями русскими. Первымъ опытомъ его въ русской филологіи было его изслѣдованіе: *взглядъ на Россійскія мѣтописи въ филологическомъ отношеніи*, напечат. въ «Вѣстникѣ Европы» 1830 г. Тяжкіе труды сильно

---

¹⁾ Бъ рецензій этой грамматики, сдѣланной конференціею до отправленія ея въ комисію духовныхъ училищъ, участвовалъ одинъ изъ самыхъ почтенныхъ наставниковъ старой академіи, еще донынѣ здравствующій, протоіерей Іоакимъ Игнатовичъ, избранный съ 1833 г. въ члены конференціи вмѣстѣ съ протоіереемъ П. Максимовичемъ. Въ 1833 г. Соловьеву разрѣшено было напечатать свою грамматику, но въ лаврской типографіи не нашлось для нея шрифта, и она осталась въ рукописи д селѣ.

надломили его здоровье, и онъ оставилъ академическую службу для семинаріи къ Воронежѣ. Отдохнувъ у родныхъ, онъ принялся уже съ удвоеннымъ трудомъ за свой богатый *Корнесловъ*, доставившій ему извѣстность, но приведшій къ нищетѣ и преждевременной смерти въ 1843 г.

Наконецъ къ именамъ, памятнымъ для академіи отъ описываемаго времени, осмѣливаемся присоединить еще одно имя, знаменитое для всей Россіи и церкви русской—имя м. Евгенія. Академія поручалась особенному попеченію его слѣдующими словами Александра Благословеннаго въ рескриптѣ 26 марта 1822 г. *Мнѣ пріятно будетъ видѣть знаменитую нѣкогда академію кievскую, воспитавшую въ теченіи вѣковъ достойныхъ служителей алтарю Господню, при руководствѣ вашемъ, достигающею цѣли, ей предложенной. Я увѣренъ, что просвѣщенная опытность ваша и ученіе въ духъ вѣры принесутъ плодъ во время свое въ пользу церкви и отечества.* Истинный подвижникъ науки, онъ любилъ и умѣлъ возбуждать къ ней и руководить въ ней другихъ. Въ духовныхъ академіяхъ онъ видѣлъ среду, въ которой должна развиваться самостоятельная духовная наука до ея высшаго уровня. Въ средѣ нашего академическаго общества онъ хотѣлъ быть передовымъ дѣятелемъ—руководителемъ, именуясь предсѣдателемъ академической конференціи, учрежденной въ 1823 г. Онъ присутствовалъ въ ея собраніяхъ, дѣлая словесно и письменно предложенія, касавшіяся вопросовъ учебной и ученой дѣятельности. Кромѣ экзаменовъ, онъ бывалъ иногда и на лекціяхъ профессоровъ, входилъ въ ихъ ученые занятія, слѣдилъ по возможности за занятіями студентовъ, указывая для нихъ предметы и пособія, за которыми и сами они иногда обращались къ нему. Были однако препятствія къ немедленному организованію въ академіи ученой дѣятельности въ томъ направленіи, какое онъ хотѣлъ дать ей. Почти непрерывная смѣняемость лицъ, съ которою не могла бороться

академія, не давала такъ сказать установиться союзности и послѣдовательности ученыхъ трудовъ. Съ другой стороны настоящіе требованія преподаванія, интересъ точнаго выполненія обширныхъ программъ, часто обнимавшихъ нѣсколько вѣтвей научныхъ, не допускали сосредоточиться на отдѣльныхъ, спеціально-научныхъ вопросахъ, въ которыхъ былъ почти весь интересъ для Евгенія, какъ великаго спеціалиста. Вышли даже недоразумѣнія. Съ своей точки зрѣнія, Евгеній думалъ помочь и студентамъ и преподавателямъ, возвращая ихъ отъ заново *пишемыхъ* ими обширныхъ системъ къ старымъ, по печатнымъ учебникамъ, успокоившись на которыхъ въ дѣлѣ преподаванія, они могли бы заняться спеціальными работами, изъ которыхъ только въ будущемъ могли бы возникнуть новыя и полныя системы наукъ ¹⁾. Этимъ только можно объяснить, почему Евгеній, создавшій въ академіи новую кафедру польскаго языка, не создалъ ея для русской исторіи—его любимой спеціальности Имѣлись печатные учебники всеобщей гражданской и церковной исторіи, гдѣ, на своемъ мѣстѣ, въ особыхъ главахъ, излагалась и русская исторія. Казалось пока удобнѣйшимъ проходить всю ее въ одинъ курсъ по этимъ краткимъ учебникамъ, а между тѣмъ, независимо отъ сего, заняться спеціальною обработкою

---

¹⁾ Уже въ своемъ отчетѣ по ревизіи академіи при окончаніи перваго курса ея въ 1823 г. Евгеній замѣтилъ, что нѣкоторые наставники чрезмѣрно удлинняютъ свои научные курсы, даютъ пространныя записки, обременяющія студентовъ что лучше было бы, если бы они читали кратче, такъ чтобы изъ краткихъ записокъ ихъ могли составиться потомъ учебники, что вообще надлежитъ позаботиться о печатныхъ учебникахъ, чтобы освободить студентовъ отъ списыванія лекцій, и держаться такихъ учебниковъ по тѣмъ предметамъ, по какимъ они уже есть. Послѣдовавшее въ 1825 г. изъ комисіи духовныхъ училищъ распоряженіе о замѣнѣ собственныхъ чтеній или записокъ профессоровъ по богословію, германистикѣ, церковному краснорѣчію и частію философіи—старыми печатными руководствами, указанными при этомъ комиссіею, объясняли именно вліяніемъ Евгенія, который былъ тогда въ Петербургѣ и 25-го февр. 1825 г. сдѣланъ членомъ комисіи.

ея матеріаловъ и отдѣльныхъ вопросовъ; польскій же языкъ, по выраженію Евгенія «сосѣдственный», открывалъ новую отрасль знанія и ученой работы, особенно въ изученіи исторіи Руси юго-западной ¹⁾. Съ своей стороны молодые академисты, по преобладавшему въ нихъ догматико-теоретическому, богословско-философскому направленію, а быть можетъ и по самоувѣренности, свойственной молодости и неопытности, надѣялись сразу твердо поставить собственные научныя созданія въ полномъ объемѣ и совсѣмъ нужнымъ запасомъ, что, конечно, было самообольщеніемъ, хотя и простительнымъ ²⁾. При всемъ томъ

---

¹⁾ Еще въ своемъ проектѣ преобразованія дух. училищъ, писанномъ въ 1805 г., Евгеній предлагалъ въ академіяхъ и семинаріяхъ ввести преподаваніе языковъ «сосѣдственныхъ». Геперь для кievской академіи и нѣкоторыхъ семинарій кievскаго округа онъ счелъ сосѣдственнымъ языкъ польскій. По его порученію, академія исправила и издала польскую грамматику учителя старой академіи Семигиповскаго, которая была назначена учебникомъ и для семинарій. Въ занятія по кафедрѣ польскаго языка входили не только переводы польскихъ авторовъ, но иногда и отрывочныя чтенія по исторіи польской литературы. Въ одинъ курсъ было даже переведено студентами, подъ наблюденіемъ преподавателя, собраніе проповѣдей Скарги, которое едва ли не предполагалось и къ напечатанію. Это бесполезное предпріятіе показывасть, какъ не легко было тогда нападать на дѣло полезное. Такимъ, безъ сомнѣнія, скорѣе всего могъ бы быть переводъ писанныхъ на польскомъ языкѣ историко-полемическихъ сочиненій нашихъ XVII в. Этимъ дѣломъ занимались однако гораздо менѣе. Кафедра польскаго языка продержалась до 1844 г., не принеся, кажется, никакихъ плодовъ для академической науки.

²⁾ Несочувствіемъ Евгенію обозначался, по преданію, самъ ректоръ Смарагдъ, преклонявшійся предъ догматическимъ умомъ другаго святителя—митрополита московскаго Филарета и вообще ставившій богословско-теоретическое знаніе выше историческаго. Кажется, такое направленіе вообще сильно преобладало въ характерѣ новаго академическаго образованія по преобразованіи академій. Преобразователи не дали особой кафедры для отечественной исторіи, тогда какъ, не говоря уже о богословіи, допускали двѣ и три кафедры для философіи. Объ отношеніяхъ ректора Смарагда къ м. Евгенію мы сочли не лишнимъ упомянуть здѣсь еще и потому, что въ одной рукописной біографіи Смарагда, могущей явиться и въ печати, видѣли укорительныя для Евгенія намеки о недостаткѣ со стороны

вліяніе Евгенія было благодѣтельно для академіи. Ему много обязана академія своими частію уже названными изданіями, которыя могли выходить подъ ея собственною цензурой, усвоенною ей по ходатайству Евгенія, и печатались въ лаврской акад. типографіи, значительно улучшенной Евгеніемъ. Онъ тотчасъ отличалъ и поощрялъ трудолюбіе, какъ на примѣръ въ Скворцевѣ, Шимкевичѣ, Сп. Гуляевѣ ¹⁾. Давъ Кіеву и академіи ихъ исторію, онъ давалъ средства и предметы и къ дальнѣйшей разработкѣ ея. Любовь къ своей историко-археологической спеціальности онъ хотѣлъ насадить особенно въ молодомъ поколѣніи студентовъ. Въ 1825 г. подъ вліяніемъ его сдѣлано было распоряженіе, чтобы темы студентамъ для курсовыхъ разсужденій выбирались преимущественно изъ предметовъ, относящихся до православной россійской церкви. Такихъ темъ вслѣдъ за тѣмъ дѣйствительно встрѣчаемъ болѣе прежняго въ студенческихъ разсужденіяхъ, изъ которыхъ особенно понравились Евгенію писанныя по латыни сочиненія Шимкевича: *О судьбахъ богословскихъ наукъ въ Россіи отъ начала въ ней христіанства до нашего времени*, и Чеховича: *О символиче-*

его вниманія къ Смарагду, во время его инспекторства и ректорства въ академіи, при чемъ послѣдній выставляется какъ бы жертвою личнаго каприза начальника. Такой взглядъ намъ кажется не вѣрнымъ.

¹⁾ Трудолюбивый Гуляевъ, занимая кафедру физико-математическихъ наукъ а нѣкоторое время еврейскаго языка, послѣ занятій по переводу книги Левитъ, искалъ для себя особаго ученаго занятія. Но тогда не легко удавалось находить его. Евгеній указалъ ему заняться съ студентами переводомъ книги: *Pauli Tossiani lexicon concordiale biblicum, vetero novoque Testamento concinnatum*. Переводъ сдѣланъ, исправленъ, но не изданъ, вопреки нарочитому предложенію о томъ Евгенія и стараніямъ Гуляева, удовольствовавшись наконецъ тѣмъ, что ему возмѣщены издержки по перепискѣ громадной кнѣпы выправленныхъ имъ листовъ студенческаго перевода. Особенной потери для академической науки тутъ не было. Дѣлались потомъ въ академіи и другіе подобные переводы, но не удачно выбиравшаяся работа осталась вчернѣ или безъ приспособленія. Такимъ образомъ почти вся польза этихъ переводовъ состояла на первыхъ порахъ только въ упражненіи переводчиковъ.

скихъ книгахъ восточной православной церкви, — писанныя при пособіяхъ, данныхъ Евгеніемъ. Онъ же первый обратилъ и Шимкевича и Чеховича на изученіе актовъ кievской академіи, имъ частію собранныхъ и переданныхъ въ академію. Наконецъ освященной наукою дружбѣ Евгенія съ знаменитымъ канцлеромъ графомъ Н. Румянцевымъ, академія обязана учрежденіемъ въ ней, по завѣщанію канцлера, Румянцевской въ честь Евгенія преміи для студентовъ, за ихъ историко-археологическія сочиненія. Съ образцовымъ знаніемъ далъ онъ первую съ подробною программю тему: *о древнѣйшей въ Кіевѣ церкви св. Иліи*, взятую и удачно выполненную ст. Остромысленскимъ. Затѣмъ слѣдоваль рядъ другихъ сочиненій на премію, изданіе которыхъ принадлежитъ впрочемъ уже послѣдующему времени, гдѣ мы еще увидимъ продолжающееся благотѣльное вліяніе Евгенія.

Съ 30-хъ годовъ или со времени Иннокентія въ акад. наукѣ замѣчается новое, болѣе оживленное, свободное и широкое развитіе. Силъ въ академіи прибываетъ; онѣ крѣпче привязываются къ ней и дѣйствуютъ съ большею дружностію и послѣдовательностію. Послѣ пяти ректоровъ перваго десятилѣтія, академія ок. 10 лѣтъ живетъ съ однимъ ректоромъ, ея воспитанникомъ, возвратившимся къ ней съ новымъ запасомъ развившихся рѣдкихъ дарованій, знаній, опытности, энергіи и уже нажитой блестящей извѣстности. Въ свойствахъ своей симпатической и широко-объемлющей души онъ почерпалъ искусство скрѣплять въ средѣ сослуживцевъ товарищескую общительность, вносить успокоеніе и отраду въ среду личной, домашней жизни ихъ, поддержать человѣческую слабость, утѣшить семейное горе, помочь молчаливой нуждѣ. А разнообразіе знаній, широта воззрѣній, даръ инициативы, чуткой къ запросамъ современной науки и жизни, давали ему умѣнье открывать и постигать, а, когда нужно, оживлять и направлять сказавшіяся дарованія и научныя стремленія въ средѣ академической.

Первымъ признакомъ новаго движенія въ нашей наукѣ съ 30-хъ годовъ была замѣна латыни живымъ русскимъ словомъ на кафедрахъ наукъ богословскихъ и философскихъ ¹⁾. Живое и свободное слово науки выражало болѣе жизненное и свободное внутреннее направленіе ея. Оно ознаменовалось съ первыхъ дней Иннокентіева ректорства слѣд. простымъ, но выразительнымъ фактомъ. Прибывъ въ академію среди курса, когда почти всѣ старшіе студенты уже взяли темы для курсовыхъ сочиненій, а иные уже начали и писать ихъ, онъ значительную часть этихъ темъ, напоминавшихъ схоластическую отвлеченность, замѣнилъ другими, представлявшими большій интересъ жизненный или историческій. Но всего цѣльнѣе и ярче сказалось новое направленіе въ богословскихъ лекціяхъ самого Иннокентія. Окончивъ начатую до него догматику для студентовъ V курса, онъ съ VI курса сталъ читать по-русски и по своему плану, начавъ съ «религіозистики» или «основнаго богословія». Изъ того, что въ прежнихъ системахъ нашихъ составляло небольшой трактатъ въ видѣ предварительныхъ понятій о предметѣ науки, онъ создалъ здѣсь особую часть науки, углубляющуюся въ самыя основанія, опредѣляющую основныя начала ея, утверждая на которыхъ богословствующая мысль восходитъ къ разумному и цѣлостному изученію всей совокупности богословскихъ предметовъ, гармонически распредѣляющихся въ цѣлой системѣ. Затѣмъ, онъ читалъ главныя богословскія науки: догматику

---

¹⁾ Сила привычки къ латыни, какъ органу науки, продолжала однако обнаруживаться тѣмъ, что хотя лекціи читались уже по-русски, но конспекты ихъ представляемы были къ экзаменамъ на латинскомъ языкѣ—по богословскимъ и философскимъ наукамъ. Это дѣлалъ и Иннокентій. Только для публичныхъ экзаменовъ при латинскомъ конспектѣ представляли и конспектъ русскій собственно тѣхъ главъ или трактатовъ изъ системы, по которымъ назначались отвѣты для этихъ экзаменовъ. Латинскіе конспекты вывелись изъ употребленія уже въ концѣ 30-хъ годовъ.

и нравственное богословіе; ввелъ каѳедры для не бывшихъ до него наукъ: сравнительнаго богословія и эклезиастики ¹⁾. Такимъ образомъ богословская наука явилась въ академіи почти въ полномъ составѣ своемъ. Внутренній характеръ богословствованія Иннокентія состоялъ въ искреннемъ стремленіи къ разумному и цѣлостному воспріятію откровенной истины, выражающемуся не только въ широтѣ и свѣтлости богословскаго созерцанія его, но и въ нѣкоторомъ, ему свойственномъ, сердечномъ постиженіи откровенной истины въ ея небесной чистотѣ, божественномъ величіи и благодатной силѣ. Онъ обладалъ искусствомъ открывать въ предметѣ новыя стороны, дѣлать оригинальныя сближенія, неожиданныя, но меткія приспособленія, въ чемъ помогали ему не только творческая сила созерцанія (фантазія), но и общинность, хотя бы то лишь общихъ свѣдѣній, кромѣ богословія еще въ другихъ наукахъ, имѣющихъ цѣлію изученіе человѣка и видимаго міра, за современными идеями и успѣхами которыхъ (наукъ) онъ слѣдилъ. Было даже время, когда Иннокентія, какъ профессора, упрекали въ увлеченіяхъ, въ излишней смѣлости его богословско-философскихъ созерцаній; есть преданія, что ихъ не одобрялъ вначалѣ и митр. Евгеній, пастырски охранявшій цѣлость яснаго и положительнаго ученія Церкви,—что, въ сознаніи своихъ увлеченій, Иннокентій вытребовалъ отъ студентовъ и сжегъ часть записанныхъ ими лекцій,—что писанныя нѣкоторыми изъ студентовъ подъ вліяніемъ уроковъ Иннокентія и пропущенныя имъ курсовыя сочиненія были запо-

---

¹⁾ Въ экзекзастикѣ, послѣ общихъ понятій о церкви, трактовалось объ ея ученіи, богослуженіи и управленіи. Первая часть называлась иногда *символической* и трактовала въ особенности о символахъ или древнихъ опредѣленіяхъ и изложеніяхъ вѣры отеческихъ и соборныхъ, также символическихъ книгахъ ирав-церкви. По идеѣ этой-то науки Иннокентій думалъ о собраніи, переводѣ и изданіи древнихъ символовъ.

дозрѣнны въ неправомыслии съ лишеніемъ авторовъ ихъ степени ¹⁾. Не оспаривая во всѣхъ частностяхъ такого преданія, спѣшимъ указать на другую черту въ характерѣ Иннокентіева богословствованія, которая сама по себѣ оберегала его отъ возможныхъ для человѣка съ такимъ живымъ и воспримчивымъ умомъ увлеченій, а между тѣмъ выражала другую еще болѣе важную особенность новаго направленія, даннаго имъ нашей богословской наукѣ. Это историческое изученіе догматовъ въ церковномъ преданіи, особенно въ испо-

---

¹⁾ Вольномысліе богословское, въ которомъ вначалѣ подозрѣвали Иннокентія, состояло будто бы въ сочувствіи такъ называемому тогда «неологизму», противъ котораго однако онъ написалъ дѣльную статью, напечатанную въ «Исторіи философіи» архим. Гавріила (Казань 1834—41 г.) Нѣтъ сомнѣнія, что частію падавшихъ на него упрековъ въ вольномысліи Иннокентій обязанъ не точному записыванію студентами его лекцій и говору увлеченной имъ молодежи. Иннокентій, говорятъ, былъ не мало смущенъ подобными слухами; тѣмъ болѣе, что ему даже грозили, и старался поправить дѣло. Позвавъ къ себѣ старшаго студента, онъ спросилъ: «почемъ вы будете готовиться къ экзамену» (полугодичному предъ праздникомъ Р. Хр.)?—«У насъ есть нѣсколько экземпляровъ записанныхъ въ классѣ лекцій по вашему предмету», отвѣчалъ студентъ съ торжествомъ. «Нѣсколько? Любопытно посмотрѣть, какъ вы записали. Принесите мнѣ!» Студентъ принесъ. Не долго разсматривая ихъ, Иннокентій бросилъ ихъ въ топищу, у него печку, а къ экзамену далъ особенныя записки. Это, говорятъ, было въ VI курсѣ. Впослѣдствіи Иннокентій уже старался напередъ просматривать и выправлять студенческія записки, хотя впрочемъ такая выправка не всегда была окончательною, не трбующею новаго просмотра. Изъ студентовъ VI курса въ неправомыслии заподозрѣнъ былъ, между прочимъ, Ив. Петр. Боричевскій. Четыре года писали его въ разрядныхъ спискахъ въ числѣ первыхъ, а по инымъ предметамъ и *первымъ* студентомъ, даже отдѣляя иногда чертою отъ прочихъ (какъ бывало тогда въ обычай); съ окончаніемъ курса онъ считался въ числѣ первыхъ магистровъ. Но именно въ его курсовомъ разсужденіи «о церкви управляемой и управляющей благодатію», пропущенномъ Иннокентіемъ, найдено было высшими судьями неправомысліе: автору дали только степень кандидата, и то во вниманіе къ его прежнимъ, отличнымъ успѣхамъ. Извѣстно впрочемъ, что самъ Евгений не только успокоился касательно свободомыслія Иннокентія, но съ теченіемъ времени проникся уваженіемъ и довѣріемъ къ нему.

вѣданіяхъ и вѣроопредѣленіяхъ, какія отъ времени до времени дѣлались церковію и ея св. учителями съ цѣлію приблизить откровенную истину къ человѣческому сознанию и оградить ее отъ неправаго пониманія испытующею мыслію человѣческою. Конечно, этотъ новый элементъ богословской науки еще не широко примѣненъ имъ; но важно то, что онъ указалъ на него нашей наукѣ, что онъ созналъ обширность научныхъ изученій, требуемыхъ имъ, и положилъ начало такимъ изученіямъ. Если къ указаннымъ достоинствамъ богословской науки Иннокентія присоединимъ изящную простоту рѣчи, неподражаемую дикцію, одушевленность, съ какою онъ излагалъ живымъ и свободнымъ словомъ свои, казалось, импровизированныя и вдохновенныя лекціи, то мы поймемъ то обаяніе, какое онъ производилъ ими на своихъ слушателей, которымъ въ этихъ лекціяхъ казалось все ново, оригинально, прекрасно, хотя бы многое въ нихъ, само по себѣ, или въ другихъ устахъ, и могло казаться простымъ и обыкновеннымъ. Арх. Димитрій, ставшій чрезъ два года (ректорства Іереміи) послѣ Иннокентія ректоромъ академіи, былъ истиннымъ продолжателемъ и богословской науки знаменитаго учителя. Болѣе опредѣлительное въ теоретической сторонѣ, богословствованіе проф. Димитрія отличалось еще болѣе широкимъ развитіемъ историческаго изученія догматовъ, каноновъ, начатаго здѣсь Иннокентіемъ. Расширяя область своей богословской науки, ректоръ-профессоръ, чтобъ вмѣстить ее въ предѣлы учебнаго курса, бралъ на себя по шесть полутора-часовыхъ лекцій въ недѣлю, давая примѣръ неохлаждавшейся до послѣдняго дня его ректорства преданности своему дѣлу. Многостороннее богословское образованіе ректора Димитрія сказывалось также въ руководственномъ вліяніи на преподаваніе другихъ наукъ какъ богословскихъ, такъ и общеобразовательныхъ, въ разработкѣ для нихъ программъ, которою занята была акад. кон-

ференція въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, и которая сопровождалась обновленіемъ прежнихъ уч. курсовъ и введеніемъ новыхъ, каковы особенно курсы каноники и патрологіи, къ которымъ въ 1847 г. хотѣли присоединить и педагогію. Программы послѣднихъ трехъ составлены Димитріемъ, который и самъ читалъ общую часть каноники ¹⁾. Блестящія надежды отрывались для богословской науки академіи въ богатыхъ силахъ, приобрѣтенныхъ ею въ молодыхъ бакалаврахъ, своихъ воспитанникахъ, но, къ сожалѣнію, рано отнятыхъ у нея. Послѣ бакалавра, іеромонаха Макарія Булгакова, много общалъ и товарищъ его, іером. Михаилъ Монастыревъ (1842—1846), какъ по дарованіямъ, такъ особенно по необыкновенному трудолюбію, доходившему до самопожертвованія, сообразнаго съ его аскетическимъ настроеніемъ. Весьма много писалъ онъ и для лекцій, и для особыхъ изданій; еще болѣе проэктовалъ писать: но ранняя смерть, послѣдовавшая отъ такихъ напряженныхъ трудовъ, не дала ему обработать что либо изъ нихъ окончательно ²⁾. Не долго пробылъ въ академіи и бак. Антонинъ (Капустинъ), въ лекціяхъ котораго по герминеветикѣ и обличительному богословію сказывалось вообще усиленіе критическаго направленія въ нашей

---

¹⁾ Общая часть Димитріевой каноники служила нѣкоторое время руководствомъ въ академіи, хранилась въ студенческихъ запискахъ. Дополненіемъ къ ней были «Записки по церковному законоуѣденію», прот. Сковорцова, читавшихъ ихъ нѣкоторое время и въ академіи. Во обще сверхъ своихъ лекцій по основному и догматическому богословію ректоръ Димитрій читывалъ въ разное время лекціи и по другимъ богословскимъ наукамъ, когда, по какимъ либо причинамъ, не имѣлось наличнаго преподавателя ихъ. Особенно памяти его чтенія по священному писанію, состоявшія въ объясненіи дневныхъ евангелій. Иногда читались они въ субботу въ 3—4 часахъ.

²⁾ Болѣе обстоятельныя замѣтки объ этой замѣчательной личности можно найти въ біографіи его, напеч. въ «Кіевск. Еп. Вѣд.» 1862 г. и въ статьѣ о м. Евгеньѣ «Тр. К. Д. Ак.» 1866 г. Декабрь.

наукѣ, возобладавшаго впоследствии ¹⁾. Но ближе этихъ и др. именъ стоитъ къ имени Иннокентія—имя Я. К. Амфитеатрова, совершенноѣ другихъ обработавшаго въ то время и свою науку—церк. проповѣдничества. Наукѣ этой, приостановленной на старомъ учебникѣ, онъ далъ совершенно новый и вполне самостоятельный характеръ. Въ ней онъ обнялъ содержаніе, постигъ духъ церк. проповѣди, такъ какъ они открываются въ библіи, у великихъ учителей церкви, въ непрестающемъ учительствѣ церкви, заключенномъ особенно въ ея богослужебныхъ книгахъ. Идеальныя требованія, возникающія отсюда для церк. проповѣди, онъ соединилъ съ одной стороны съ требованіями высоко-развитаго, христіанскаго эстетическаго чувства, съ другой—съ требованіями общенародности и жизненной при пособимости, постигнутыми его поэтическимъ чутьемъ и народолюбивою душею ²⁾. Строгий систематикъ, онъ былъ увле-

¹⁾ Антонинъ, при несомнѣнной учености, обладалъ особеннымъ искусствомъ—съ помощью тонкаго анализа самыхъ иногда общихъ и общепринятыхъ понятій или терминовъ научныхъ сильно возбуждать мысль. Послѣ его лекцій нерѣдко, говорятъ, можно было видѣть сильную задумчивость о поднятѣмъ имъ вопросѣ у кого либо изъ студентовъ или слышать споръ, имъ возбужденный. Нерѣдко и самъ онъ во время лекцій вызывалъ какого либо студента къ критическому анализу извѣстнаго понятія, факта, своими вопросами и возраженіями на отвѣты студента приводилъ въ сильное возбужденіе или затрудненіе мысль его заканчивалъ словами: «подумайте объ этомъ послѣ—сами съ собой». Въ свое время онъ однако не оставлялъ студента безъ разъясненія его недоумѣній.

²⁾ Глубокою симпатіею къ простолудью проникнуты и его рассказы изъ простонароднаго быта, помѣщавшіеся въ Маякѣ подъ заглавіемъ: *простоводосме*. Послѣ нихъ явилась съ тѣмъ же характеромъ и его повѣсть: *Лѣва Далина*, напеч. въ Маякѣ 1844 г. Ходили по рукамъ и его записки «о Кіанахъ». Вообще, малообщительный съ людьми высшихъ классовъ, Яковъ Косымичъ при всякомъ случаѣ любилъ сблизиться и побесѣдовать съ простымъ человѣкомъ. Было даже время, когда онъ мечталъ стать сельскимъ священникомъ. Составленные имъ образцы «бесѣды священника къ поселянамъ (напеч. въ «Воскр. Чтенія)», проникнуты желаніемъ не только просвѣщать темное простонародье, но особенно—утѣшать его въ его житейскихъ нуждахъ, невзгодахъ и скорбяхъ. См. «Яковъ Косымичъ Амфитеатровъ». Кіевъ 1857 г.

кателевъ какъ поэтъ. Его сочиненія по церк. словесности, изданныя имъ въ 1846 году, въ двухъ томахъ,—это, конечно, блестящій самородокъ нашей дух. науки. Одного ему недостаетъ:—систематической исторіи проповѣдничества, для разработки которой, начатой у насъ въ первые годы, но на долго прерванной, ожидались новыя силы и новыя средства. Между тѣмъ это блестящее развитіе проповѣднической науки совпадаетъ съ блестящимъ развитіемъ въ академіи самой проповѣди. Здѣсь именно достигъ высшаго своего развитія проповѣдническій талантъ Иннокентія, не истощимаго и неподражаемаго въ проповѣдническомъ творествѣ. Извѣстное всей Россіи имя его, какъ проповѣдника, избавляетъ насъ отъ обязанности подробной характеристики его проповѣдей, въ которыхъ онъ былъ, конечно, выше чѣмъ въ своей богословской наукѣ. Едвали не болѣе всѣхъ заставилъ онъ современное ему русское общество полюбить свою русскую проповѣдь, едвали не шире всѣхъ распространилъ онъ просвѣтительное вліяніе ея на общество. Чтеніе его проповѣдей, говоренныхъ то въ послѣдовательномъ порядкѣ на избранные предметы, то по особеннымъ случаямъ и изданныхъ въ Кіевѣ въ нѣсколькихъ собраніяхъ, еще не даетъ понятія о силѣ впечатленія, какое производила его проповѣдь, когда слушалась изъ устъ самаго проповѣдника и какомъ передаютъ намъ слышавшіе ее. А тогда весьма многихъ не изъ Кіева только, но изъ другихъ дальнихъ мѣстъ привлекало въ братскую церковь желаніе слышать Иннокентія. Въ самой академіи Иннокентій не былъ безъ сподвижниковъ въ священномъ дѣлѣ проповѣди. Такими были: прежде другихъ самъ авторъ «Гомилетики» въ своихъ оригинальныхъ и глубоко-назидательныхъ «бесѣдахъ объ отношеніи церкви къ христіанамъ» указавшій новый близкій и неисчерпаемый источникъ, откуда прав. проповѣдникъ можетъ почерпнуть и содержаніе, и руководство, и одушевленіе для своей общенародной, жи-

ненно—приспособительной проповѣди ¹⁾). Таковъ былъ ректоръ Димитрій, столь же неизмѣнно усердный въ сказываніи проповѣдей, какъ въ чтеніи лекцій, любившій обыкновенно предназначать годовой кругъ проповѣдей, говоренныхъ наставниками академіи, наступавшій съ великаго поста и такъ называемыхъ пассій, столько любимыхъ кіевлянами ²⁾). Кромѣ собранія проповѣдей Димитрія, печатались въ его время проповѣди и др. наставниковъ академіи, изъ которыхъ проповѣди Антонина отличались такимъ же тонкимъ анализомъ, какой чувствовался и въ его лекціяхъ. Проповѣдничество процвѣло и у студентовъ, которыхъ непосредственно руковод-

---

¹⁾ Эти бесѣды имѣли уже три дов. численныя изданія. Онѣ переведены и на нѣмецкій языкъ прот. Яншиевымъ (ректоромъ С.-петербургской академіи). На нѣмецкихъ пасторовъ онѣ произвели различное впечатлѣніе. Если однимъ изъ нихъ, съ протестантской точки зрѣнія, казалось нѣсколько страннымъ, что православная церковь слишкомъ-де ужъ много заботится о своихъ чуждахъ, поспѣвая съ молитвою и утѣшеніемъ къ каждому, даже неважному случаю въ жизни ихъ; то другіе умѣли понять и оцѣнить тотъ духъ любви матери—церкви, который хотѣлъ выразить авторъ въ своихъ бесѣдахъ.

²⁾ Пассіи совершаются въ Кіевѣ въ первые четыре пятка великаго поста, соединяясь съ малымъ повечеріемъ, и состоятъ изъ церк. пѣсни *Тебе одню-шася*, чтенія евангелія о страданіяхъ Спасителя изъ каждаго евангелиста, начиная съ Матвея. пѣсни—*Придите ублажимъ Иосифа приснопамятнаго* и проповѣди. Въ братской цркви евангелія читаются предъ царскими вратами ректоромъ академіи, проповѣди сказываются наставниками академіи. Пассіи введены и. Петромъ М гилою, такъ сказать, въ параллель пассіямъ римско-католическимъ. У католиковъ пассіи совершаются по великопостнымъ воскресеніямъ и также на вечерни. Въ былое время, онѣ своею эффектною обстановкою могли привлекать православныхъ, для которыхъ поэтому Петръ Могила и ввелъ свои пассіи. Но въ установленіи ихъ онъ обнаружилъ болѣе т. сказать, христіанскаго вкуса, избравъ для нихъ не воскресенья, а пятницы. Хотя съ теченіемъ времени первоначальное побужденіе, съ какимъ учреждены пассіи, потеряло силу; но пассіи полюбилась и въ нынѣшнѣмъ получили значеніе добраго и стараго, мѣстнаго обычая, который всегда уважался. Въ рукописныхъ сборникахъ поученій старыхъ проповѣдниковъ кіевскихъ есть перѣдко и проповѣди на пассіи.

ствовали въ этомъ дѣлѣ Иннокентій, Амфітеатровъ, Димитрій. Больше всего выяснялась начинающимъ проповѣдникамъ та основная мысль, что сила проповѣди не въ красной фразѣ, не въ тонкомъ умствованіи, а въ силѣ убѣжденія, въ силѣ внутренняго проникновенія проповѣдника своимъ предметомъ и своимъ свящ. призваніемъ, требующимъ благоговѣйнаго и молитвеннаго настроенія, искренней ревности о славѣ Божіей и благѣ ближняго. Замѣчательно, что такою же христіанскій взглядъ на значеніе человѣческаго слова, на требованія и цѣли литературной дѣятельности одушевлялъ и новаго съ 1845 года преподавателя общей словесности, усерднѣйшаго къ своему дѣлу и глубоко-религіознаго В. И. Треерова — взглядъ, не мѣшавшій ему прилагать въ своихъ лекціяхъ начала эстетики, филологіи и знакомить отчасти съ исторією литературы всеобщей древней и новой, также и русской.

Изъ общеобразовательныхъ наукъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ особенно процвѣтала философія. Значительно разширившись въ объемѣ, философская наука обновилось въ направленіи. Начатое по возбужденію Иннокентія, Новицкимъ и Михневичемъ, читавшимъ свою стройную систему исторіи философіи, оно особенно выразилось въ Авсенева, въ его обширной психологіи, и другихъ частяхъ филос. имъ читанныхъ въ теченіи 17 лѣтъ его профессорства въ академіи ¹⁾).

---

¹⁾ Первые три года (1833—1836) Авсенева читалъ нѣмецкій языкъ; но уже готовился къ философіи. Иннокентій, замѣчая въ немъ философское призваніе и образованіе, сочувствовалъ его переходу на кафедру философскую, но по переходу счелъ нужнымъ поощрить его къ своему дѣлу. Это поощреніе имѣло однако въ началѣ видъ тяжкаго испытанія для Авсенева. Пришедши на одну изъ лекцій его, Иннокентій, по окончаніи лекціи, обратился къ студентамъ съ похвалой наставнику, советуя слушать его усердно. Но въ тотъ же день позвалъ его и высказалъ рѣзкое порицаніе лекціи, присоединивъ будто бы даже угрозу увольненія. Пораженный такою неожиданностію, Авсенева подалъ прошеніе объ увольненіи. Иннокентій почувствовалъ свою ошибку, поводомъ къ которой была, вѣроятно,

Это направление *историко-систематическое*, по преимуществу, *созерцательное*. Усвоивъ простые элементы здоровой философіи, опредѣлившіеся въ прежнемъ догматико-логическомъ направленіи, наука наша обнаруживаетъ стремленіе къ болѣе свободному и самостоятельному философствованію, опирающемуся на болѣе глубокомъ и многостороннемъ знакомствѣ съ міромъ философской мысли. Историческое развитіе философіи изучается и прилагается теперь въ обширной и стройной системѣ, которая должна казалось, придти къ послѣднему слову философіи, къ конечному рѣшенію вѣковыхъ вопросовъ ея. Въмѣстѣ съ тѣмъ сильно возбужденная собственная созерцательность у нашихъ философовъ выражается въ стремленіи къ смѣлымъ теоретическимъ построеніямъ и всеобщимъ обзорамъ мысленнымъ, къ нѣкоторой высшей идеальной философіи. Это было время юношескаго увлеченія философскимъ духомъ, вѣры въ могущество умственного творчества, когда нашимъ философамъ думалось иногда не только о возможности, но и дѣйствительности созерцанія абсолютной истины, о проникновеніи силою не столько анализа, сколько цѣлостнаго созерцанія въ тайны духа, въ сущность бытія и жизни всего сущаго. Это была поэтическая философія! Самый языкъ ея, уже

обычная робость молодого философа, въ слѣдствіе которой онъ, читая лекцію въ присутствіи ректора, не имѣлъ достаточной развязности и, быть можетъ, говорилъ ее не такъ, какъ приготовилъ дома. Не принявъ прошенія, Иннокентій поспѣшилъ устроить домашнее собраніе у себя изъ нѣкоторыхъ профессоровъ академіи, болѣе близкихъ къ Авсеневу, пригласилъ самаго Авсенева и въ этомъ товарищескомъ кругу постарался успокоить всегда впрочемъ кроткаго Авсенева. Въ послѣдствіи, когда Авсенева наняли для студентовъ вторую часть своей психологіи (*исторіи души*), Иннокентій, прочитавъ ее, отозвался о ней съ большою похвалою въ средѣ наставниковъ; думалъ даже представить ее высшему начальству и ходатайствовать о наградѣ автору. Но это представленіе, ни ходатайство однако не состоялось, кажется, по скромности самаго Авсенева, считавшаго всякіе труды свои далеко еще не совершенными и требующими новой обработки.

не латинскій, а живой и свободный, хотя не чуждъ угловатости и тяжелой терминологіи, но нерѣдко также отличается изяществомъ, поэтической образностію и выразительностію, говорящихъ о силѣ внутренняго одушевленія философа. Отсюда сильное увлеченіе философіею въ студентахъ, вызываемыхъ не столько къ почтительному вниманію, какъ прежде, сколько къ взаимному сочувствію къ общему стремленію въ міръ идеальный. Изъ философскихъ системъ въ это время пользуются большимъ сочувствіемъ системы, составленныя по идеямъ сперва Шеллинговой, а потомъ Гогелевой философіи, которыя своимъ выпренимъ, созерцательнымъ характеромъ, широтою и глубиною воззрѣній, художественною стройностію и симметричністію общаго плана и рельефностію своихъ частныхъ формъ сильно дѣйствуютъ на живую мысль, плѣняютъ воображеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ *видимымъ* уваженіемъ къ христіанству и стремленіемъ сблизиться съ нимъ во всемъ успокоительно дѣйствуютъ и на самое религіозное чувство ума, обѣщая ему открытъ возможность заглянуть чрезъ нихъ глубже и въ самыя основанія христіанской вѣры. Однако эти смѣлыя чянія у нашихъ философовъ умѣрялись благоговѣніемъ предъ тайнами вѣры, открытыми въ словѣ Божіемъ и ученіи церкви. Къ этой общей характеристикѣ нашей философіи 30 и 40 годовъ, позвольте, мм. гг., присовокупить нѣсколько словъ о Теофанѣ Авсеневи, какъ профессорѣ и членовѣ, сказанныхъ его другомъ (Антониномъ). «Надобно сказать, говоритъ онъ, что его добрая и чистая душа, его всегда дружескій, ласковый тонъ, его сердечный голосъ, держали его всегда въ нѣкоторой особенной связи съ слушателями, влекли къ нему и вниманіе и сердце, особенно на лекціяхъ его по исторіи души. Всѣмъ памятна лекція его о болѣзняхъ, о снѣ и лунатизмѣ, о смерти, повергали весь классъ въ самое глубокое раздумье. Всегда мысленный взоръ его отъ земли у-

стремляемъ былъ въ небо, и слово Божіе, по ученію прав. церкви, руководило его въ самомъ напряженномъ мышленіи. Эта гармонія мысли и вѣры, встрѣчаемая у него тамъ, гдѣ иной не могъ бы и думать о ней, была истинно поразительна, и слово мудраго наставника дѣлала совершенною драгоцѣнностію. Молва о немъ росла съ каждымъ годомъ. Для посѣтителей Кіева (говоря особенно о лицахъ дух. званія) видѣть *смирннаго философа* считалось почти также важнымъ, какъ и видѣть знаменитаго проповѣдника Кіевскаго. Между тѣмъ видъ его не представлялъ того, что заставлялъ ожидать увидѣть умъ его. Средній ростъ, нѣсколько согбенный станъ, темное съ отсвѣтомъ лице, впалые и тусклые подъ очками глаза, голосъ тихій, нѣсколько сынящій, походка медленная и нѣсколько какъ бы торжественная, весь мысль, весь углубленіе — вотъ что былъ «добрѣйшій» Петръ Семеновичъ... Будучи самымъ строгимъ и послушнымъ сыномъ церкви, онъ, если только находилъ возможнымъ, всегда ходилъ къ ранней обѣднѣ и, возвратясь домой, обыкновенно размышлялъ о дневныхъ апостолѣ и евангеліи, что часто оставалось для него задачей на цѣлый день. Не думая обыкновенно ни о настоящемъ, ни о будущемъ, онъ различными неизбѣжными столкновеніями съ жизнью приведенъ былъ наконецъ къ необходимости подумать о монашествѣ... Рѣшиться на это ему не стоило большаго труда, потому что образъ жизни его былъ уже давно истинно монашескій. Постриженный съ именемъ Теофана (11 Окт. 1844 г.), онъ понялъ и принялъ монашество самымъ строгимъ образомъ, точно такъ, какъ оно давно представлялось ему въ идеѣ, и какъ изображено въ поразительномъ священнодѣйствіи постриженія... Не любилъ онъ никогда ни славы, ни денегъ, ни роскоши, ни забавъ, ни особенныхъ удобствъ домашней жизни. Въ обществѣ отъ того онъ былъ скученъ, хотя почти всегда находилъ себя посреди кружка

собесѣдниковъ, любившихъ умное слово его. Всегда мысль глубокая, свѣжая, свѣтлая, отрадная, хотя иногда уже слишкомъ идеальная, сходила съ задумчиваго чела его, вѣявшаго чистотою и хр. святынею. Въ домашней жизни онъ былъ простъ, отерътъ, ласковъ, общителенъ, тихъ и не взыскателенъ, щедръ и благотворителенъ до самоотверженія; не прилагалъ сердца ни къ чему, что имѣлъ, кромѣ книгъ, но и на книги не смотрѣлъ, какъ на мертвый капиталъ; съ удовольствіемъ давалъ ихъ всякому читать и самъ набивался на это. Постоянно питалъ глубокую привязанность къ своимъ родителямъ. Легко свыкался съ другими по своему сердечному характеру, и всегда болѣе или мѣнѣе, по добротѣ своей, подчинялся тому, съ кѣмъ свыкался. Любилъ музыку, но не столько за ея пріятность, сколько за ея математическое и психологическое значеніе. Проводя всюду параллель между духовнымъ и чувственнымъ бытіемъ, на всѣ изящныя искусства смотрѣлъ онъ только съ точки ихъ высшаго философскаго значенія. Такъ смотрѣлъ онъ и на всѣ окружавшіе его предметы, и на всѣ событія исторіи и своей собственной жизни: отъ того весь характеръ его жизни былъ нѣсколько идеальный. Вѣрный своему духовному сану, онъ (въ послѣдніе годы) старался отдалиться отъ философскихъ занятій и сверхъ философіи принялъ на себя еще преподаваніе свящ. библіологіи. Отвсюду окруженный толкователями св. писанія, онъ день и ночь углублялся въ нихъ безъ отдыха. Но разстройство здоровья было отвѣтомъ на это новое увлеченіе его. Необходимо было избрать другой родъ служенія. Прибывъ дѣломъ 1851 г. въ Римъ на данное ему настоятельское мѣсто при нашей посольской церкви, онъ въ слѣдующемъ году ко дню Пасхи почувствовалъ близость смерти и готовился къ ней, какъ истинный христіанинъ, хотя впрочемъ онъ уже давно былъ приготовленъ къ ней. Онъ скончался въ глубокомъ размысленіи: и можно бы дерзнуть подумать, что начатый *здесь* рядъ его мыслей

продолжался не измѣнно тамъ, доколѣ блаженное видѣніе того, что онъ здѣсь уловлялъ только тусклыми идеями, не воззвало боголюбиваго философа отъ размышленія къ вѣчному созерцанію» ¹⁾).

Оеофанъ не издавалъ своихъ лекцій. На всѣ просьбы о томъ друзей онъ обыкновенно замѣчалъ: «не приспѣло время». Онъ даже не любилъ, чтобъ студенты записывали за нимъ въ классѣ, говоря, что не все же слѣдуетъ класть на бумагу, что говорится здѣсь, и студентъ болѣе выиграетъ, если будетъ размышлять вмѣстѣ съ профессоромъ, чѣмъ отрывать отъ него для записыванія. Самъ испытавъ послѣдствія тяжкихъ трудовъ, онъ, въ качествѣ инспектора, удерживалъ и студентовъ отъ излишней ретивости въ занятіяхъ, какою они отличались особенно въ первомъ семестрѣ. Однажды идя на утреню въ 3 часа утра, онъ замѣтилъ въ студ. камерѣ торѣвшую свѣчу узналъ, что въ эту пору студентъ уже сидѣлъ за занятнымъ столомъ и читалъ. Пришедши въ 7 часовъ къ студентамъ на молитву, и указавъ на случай, онъ говорилъ: «гг! насъ упрекають, что обременяемъ васъ тяжкими трудами, надрывающими здоровье. Я самъ никогда не одобрю ихъ въ васъ. Для чего вы учитесь? Для магистерства? Это было бы всего хуже: люди будутъ цѣнить васъ не по магистерству, а по тому, каковы вы на дѣлѣ.. Но я знаю, что вы напрягаетесь изъ любознательности. Это лучше; но и тутъ вы можете ошибаться. Знаетъ много не тотъ, кто много читаетъ и зачитывается, а—кто читаетъ, хоть и не многое, но съ отчетомъ и разумѣніемъ. Да и самое знаніе, хоть и служить къ развитію духа, но это развитіе можетъ быть въ худомъ направленіи, питая духовную гордость. Главною цѣлью ученія должно быть то, чтобы приготовиться къ наилучшему выполненію своего

---

¹⁾ Ж. М. Нар. Пр. 1853 г. ч. 77.

призванія въ жизни. Въ виду этого, учитесь съ любовію, но безъ жадности, безъ надрыва силъ, чтобъ сберечь ихъ на потомъ, когда нужно будетъ прилагать ихъ къ выполненію своего призванія въ жизни.» Это мудрое наставленіе онъ развилъ съ особенною выразительностію и въ послѣдней бесѣдѣ своей съ студентами XVI курса, пришедшими проститься съ нимъ предъ выбытіемъ его изъ академіи. Оживимъ въ памяти ихъ нѣсколько заключительныхъ словъ этой трогательной бесѣды. «Самыя благородныя и возвышенныя движенія души могутъ переходить въ страсть, въ поклоненіе куміру. Образованные язычники обоготворяли мудрость, красоту, славу, обоготворяли свои идеалы и страсти, забывъ о Томъ, Кто единъ долженъ быть предметомъ всѣхъ желаній и духовнаго поклоненія человѣка. У христіанскаго же философа мысль о Немъ должна царствовать надъ всѣми помыслами, надъ всѣми движеніями души. Надъ всѣми цѣлями жизни должна господствовать мысль о вѣчномъ назначеніи нашемъ, открытомъ намъ въ словѣ Божіемъ!» Таковъ былъ *конецъ слова* нашего мудреца. Не думая издавать своихъ лекцій, Теофилъ предъ выѣздомъ изъ Кіева, позаботился однако составить изъ нихъ сборникъ и передалъ Скворцову, съ которымъ соединенъ былъ чувствами взаимнаго глубокаго уваженія.

Послѣдній только годомъ ранѣе Теофана оставилъ профессорство въ академіи. Посреди новыхъ философовъ, старый философъ оставался вѣренъ своему направленію. Зато при своемъ упроченномъ авторитетѣ, онъ являлся теперь заступникомъ новыхъ философовъ предъ тѣми, которые изъ любви къ вѣрѣ опасались ихъ увлеченій. Раздавъ, такъ сказать, на руки своимъ ученикамъ разныя части философіи, самъ онъ большею частію читалъ метафизику, нѣкоторое время нравственную философію, а по временамъ и особенныя *спеціальныя лекціи*, какъ напр. изложеніе подлинной логики Аристо-

теля. Какъ старый латинистъ, онъ пытался ипогда читать по латини, но въ 1840 г. уже замѣтилъ упадокъ знанія ея и требовалъ введенія каѳедры латинскаго языка, которое однако послѣдовало не ранѣе 1848 г. Съ 1834 г. онъ былъ вмѣстѣ профессоромъ богословія, церковной исторіи и церк. законовѣденія въ университетѣ св. Владиміра. Съ 1844 года онъ не разъ просилъ уволить его отъ професорства въ академіи, но каждый разъ удерживаемъ былъ митр. Филаретомъ, оставаясь однако уже сверхштатнымъ профессоромъ, безъ жалованья. Съ 1849 г. оставивъ и это званіе, онъ состоялъ до самой кончины своей (въ 1861 г.) членомъ академическѣй конференціи, гдѣ голосъ его всегда пользовался заслуженнымъ уваженіемъ, также однимъ изъ редакторовъ или сотрудниковъ академическихъ изданій. Между тѣмъ новый университетъ кіевскій получилъ отъ академіи и первыхъ преподавателей философіи, каковы: Новицкій, нѣкоторое время, Авсенева, потомъ Гогоцкій; Михневичъ же въ 1839 г. перешелъ на каѳедру философіи въ ришельевскій лицей. Нѣкоторыхъ изъ указанныхъ лицъ Иннокентій старался удержать при академіи; но долженъ былъ уступить вниманію къ нуждамъ ихъ семейной жизни, которая въ ту пору гораздо лучше обезпечивалась въ университетѣ, чѣмъ въ академіи. Впрочемъ Иннокентій радовался успѣхамъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ профессоровъ академіи въ новомъ званіи ихъ, успѣхамъ, въ которыхъ выражались и успѣхи академической, филос. науки. Они выразились и въ философскихъ сочиненіяхъ, изданныхъ бывшими профессорами академіи. Съ другой стороны, академія, уже окрѣпшая въ силахъ, не очень затруднялась теперь замѣщать выбывающія изъ нея силы—силами новыми, свѣжими, которыя и явились на философскихъ каѳедрахъ ея съ конца 40 и нач. 50 годовъ.

Между тѣмъ съ 30 годовъ замѣчается новое движеніе и въ наукѣ исторической. Ее продолжалъ поощрять Евгеній,

оживлялъ Иннокентій. Платя взаимностію своему другу Румянцеву, Евгеній въ 1833 и 1836 гг. утроилъ сумму румянцевской преміи, которая, имѣя въ существѣ тоже назначеніе, называлась отселѣ Евгеніево-Румянцевской премією. Онъ продолжалъ также давать указанія и пособія для историческихъ трудовъ. Такимъ образомъ съ именемъ Евгенія связано около половины историческихъ сочиненій, принадлежашихъ воспитанникамъ академіи 30 и 40 годовъ и изданныхъ ею частию отдѣльно, частию въ собраніяхъ, составившихъ три тома, частию въ Воскр. Чтеніи ¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ занимаются именно спеціальною разработкою частныхъ вопросовъ р. ц. исторіи и, въ этомъ смыслѣ, не утратили значенія доселѣ, каковы напр.: *о времени крещенія св. кн. Ольги* (Ник. Соколова); *Кто былъ первый митропол. кievскій*—іером. Евсевія Ильинскаго (нынѣ экз. Грузіи), *о духовоборцахъ*—О. М. Новицкаго, и проч. Съ 1841 г. въ академіи введена была наконецъ кафедра русской исторіи, нашедшая при томъ даровитѣйшаго, трудолюбивѣйшаго и цвѣтущаго свѣжестію и крѣпостію силъ, преподавателя въ іер. Макаріѣ Булгаковѣ. Но и онъ чрезъ нѣсколько

---

¹⁾ Опыты упражненій воспитанниковъ кievской духовной академіи V-го курса. Т. I и II-й 1832 г. Кіевъ. Собраніе сочиненій студентовъ кievской духовной академіи. Т. I. Кіевъ. 1839 г. Нѣкоторые изъ напечатанныхъ здѣсь сочиненій *о римской литургіи*—Бобровницкаго, *критическое обозрѣніе ученія римской церкви о главенствѣ папы*—Гогоцкаго явились недавно во 2-мъ изданіи. Отдѣльно изданы были сочиненія *о д. свѣтѣишей кievской церкви св. Ирины* (Каневскаго); *о первоначальномъ переводѣ свящ. писанія на слав. языкъ*, написанное, по назначенію Евгенія, О. Новицкимъ уже впрочемъ въ бытность его преподавателемъ академіи (въ 1835 г.), *историческое обозрѣніе богослужбныхъ книгъ греко-россійской церкви*, С. Н. Григорьева, но исправленное Иннокентіемъ, изд. въ 1836 г. и долго бывшее учебникомъ въ семинаріяхъ. *О благодати по ученію св. отцевъ подвижниковъ*, Д. Имшенецкаго. Первымъ изъ студенческихъ сочиненій, напечатанныхъ въ «Воскр. Чтеніи» было, кажется, соч. М. Гаврилова: *св. равноапост. Константинъ, какъ избранное орудіе божественнаго промысла къ утвержденію вѣры и церкви Христовой*. Годъ XI.

мѣсяцевъ былъ взятъ у академіи для другаго мѣста, успѣвъ однако посвятить «наставникамъ и воспитанникамъ К. Академіи» свою исторію ея, предвѣщавшую въ немъ столько знаменитаго историка р. церкви, такъ же его *планъ аскетики* предвѣщалъ въ немъ будущаго истинно-ученаго систематика богословскихъ наукъ.

Въ послѣдніе годы своего ректорства, Иннокентій, всегда энергичный и предприимчивый, задумывалъ о болѣе специальныхъ трудахъ по исторіи руси юго-западной, въ частности—по исторіи уніи, интересъ къ которой усиливался тогда совершившимся воссоединеніемъ уніатовъ. Послѣ трудовъ Евгенія ознакомленію его съ этою исторіею способствовали частыя бесѣды съ другомъ М. А. Максимовичемъ, ректоромъ университета, рѣдкимъ специалистомъ по этой исторіи, предпринявшимъ здѣсь послѣ другихъ ученыхъ трудовъ, изданіе «Кіевлянина», въ которомъ приняли участіе и профессора академіи. Иннокентій сталъ зачитываться въ историко-полемическихъ памятныхъ зап. руси и приходилъ въ восторгъ отъ Ливоса П. Могилы. Онъ думалъ собрать и издать ихъ. Отсюда онъ переходилъ къ исторіи Польши и уже взялся за Длугоша. Одинъ изъ первыхъ русскихъ ученыхъ онъ усмотрѣлъ слѣды православія и прав. обычаевъ въ древней Польшѣ. Плодомъ этого была его статья *о началъ христіанства въ Польшѣ*, напечатанная гр. Уваровымъ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія¹⁾. Чтобъ поставить новые историческіе труды на почву, нужно было прежде всего собрать самые историческіе памятники. Древле престольный Кіевъ имѣлъ ихъ теперь менѣе столичныхъ и др. мѣстъ сѣв. руси. Въ Лаврѣ онѣ истреблены

---

¹⁾ Въ примѣчаніяхъ къ этому сочиненію Иннокентій подвергалъ рѣзкой критикѣ нѣкоторыя мнѣнія извѣстнаго польскаго писателя Маціевскаго. По желанію Уварова, хорошо расположеннаго къ этому знаменитому въ свое время профессору варшавскому, Иннокентій согласился исключить такіа примѣчанія.

пожаромъ 1718 и 1772 гг. Въ 1811 г. таже участь постигла и библіотеку старой академіи. Много памятниковъ вывезено кievскими учеными, переходившими на службу въ сѣверную Русь. Въ 30-хъ годахъ ихъ жадно выискивали здѣсь призванные или не призванные (а лишь расчетливые) собиратели древностей. Въ 1837 г. значительная часть историческихъ актовъ взята отселѣ, въ частности изъ академ. библіотеки, въ с. п. б. археогр. комиссію, гдѣ впрочемъ они изданы, частию трудами бывшаго воспитанника академіи Ив. П. Боричевского. Между тѣмъ еще Евгеній старался составить или удержать для академіи собраніе историч. памятниковъ; нѣкоторые переданы имъ ей, но вся др. библіотека, оставшаяся по смерти его, оставлена по завѣщанію его при кievскомъ Софійскомъ соборѣ, академіи же переданы лишь карты, атласы, чертежи и под. Иннокентій также старался пополнить др. библіотеку академіи: ему мы обязаны нѣкоторыми рѣдкостями по юго-западной литературѣ ¹⁾. Ему же принадлежитъ счастливая мысль оживить въ академіи преданія исторической жизни ея, съ какою мыслию онъ возобновилъ обычай ежегоднаго въ день кончины м. Петра Могилы помивовенія всѣхъ дѣятелей и благотворителей академіи, а залу академическую украсилъ портретами нѣсколькихъ, болѣе знаменитыхъ изъ нихъ. Между тѣмъ въ Кіевѣ, по инициативѣ М. А. Максимовича и Иннокентія, готовилось основаться обще-

---

¹⁾ На нѣкоторыхъ изъ нихъ есть собственноручныя пометки Иннокентія. О намѣреніи Иннокентія собрать и издать эти памятники свидѣтельствуетъ и его другъ М. А. Максимовичъ: «Еще незабвенный Иннокентій, въ 1840 г., въ Кіевѣ собиралъ прилѣжно все, что было напечатано и писано объ униі, предполагая соединить все то въ одно изданіе подъ заглавіемъ «Памятникъ Уніи». Русская Бесѣда 1857 г. № 5. Критика стр. 51. Однако Иннокентію удалось собрать не много. Въ послѣднее время дополненіемъ своей коллекціи названныхъ памятниковъ академія обязана бывшему воспитаннику ея, нынѣ ректору иркутской семинаріи, архим. Модесту.

ство исторіи и древностей словено-россійскихъ ¹⁾. Выработывался уставъ его, по архип. благословенію Иннокентія. По выбытіи Иннокентія и Максимовича дѣло остановилось и потомъ разрѣшилось учрежденіемъ при кievскомъ генераль-губернаторѣ «Временной коммисіи для разбора др. актовъ». Членомъ отъ академіи былъ В. П. Чеховичъ. Преподавая физику по составленнымъ имъ запискамъ въ академіи, и съ 1837 г. въ университетѣ, онъ занимался исторіею, руководясь указаніями и трудами Евгенія, къ которому питалъ особенное благоговѣніе еще по студенческимъ воспоминаніямъ о немъ. Въ 30-хъ годахъ онъ, вмѣстѣ съ бакалавромъ Д. А. Подгурскимъ, по приглашенію мѣстной администраціи, нѣсколько разъ и по-долгу занимался разборомъ и переводомъ документовъ, касавшихся мятежныхъ пановъ польскихъ и ихъ имѣній, и такимъ обр. увеличилъ свое давнее знакомство съ исторіею края, особенно здѣшнихъ дворянскихъ родовъ. Онъ былъ близокъ и съ тогдашними кievскими археологами, отъ коихъ прибрѣлъ для академіи нѣкоторые археологическіе подарки. Онъ былъ начитанъ и въ историко-полемиическихъ памятникахъ нашихъ XVIII ст. и часто твердилъ о необходимости изданія ихъ, ссылаясь на мысль Евгенія и Иннокентія, который былъ друженъ съ нимъ. Какъ членъ коммисіи, онъ редактировалъ для II тома ея памятниковъ изданіе актовъ академіи, участвовалъ потомъ въ ея работахъ, въ чемъ смѣнилъ его потомъ ученый профессоръ Ѳ. Лебединцевъ. Такимъ образомъ академическая наука разными вѣтвями своими соприкасалась съ научною дѣятельностію, возникавшею въ Кіевѣ особенно со времени основанія университета. Возведенный, такъ же какъ и м. Евгеній, въ почетные члены университета, связанный, какъ сказано, дружбою съ первымъ ректо-

---

¹⁾ Поводомъ къ основанію общества служило отчасти послѣдовавшее предъ тѣмъ основаніе «Общества исторіи и древностей» въ Одесѣ, избравшаго Иннокентія своимъ членомъ.

рошъ его, Иннокентій вообще съ участіемъ слѣдилъ за университетскою наукою, старался сближать дѣятелей университетскихъ съ дѣятелями академіи, незамедлившей удѣлить молодому университету часть своихъ научныхъ силъ. Мѣстныхъ представителей науки и образованнаго общества онъ старался знакомить съ академическою наукою также на публичныхъ испытаніяхъ, или актахъ, которые съ его времени устраивались съ нѣкоторою торжественностію, и на которыхъ читался иногда отчетъ о состояніи академіи, а студенты, кромѣ устныхъ отвѣтовъ, читали свои сочиненія частныя или курсовыя (послѣднія, конечно, только частями), иногда пробныя лекціи (это уже—кончившіе курсъ, какъ будущіе преподаватели). Отчеты о такихъ актахъ, также печатныя сочиненія студентовъ разсылались по округу, также въ нѣкоторыя свѣтскія учебныя и ученыя учрежденія, въ другія академіи, наконецъ и многимъ изъ архипастырей русской церкви. Отъ многихъ изъ этихъ лицъ и учреждений получались привѣтствія Иннокентію и академіи съ успѣхами новой академической науки. Съ особенною живостію они высказывалась тѣми, которые впервые насаждали ее здѣсь, какъ напр. экзархомъ Моисеемъ. По мысли Евгенія, Иннокентій старался расширить научныя связи и средства академіи, пріобрѣтая ей членовъ и корреспондентовъ изъ лицъ, извѣстныхъ просвѣщеніемъ или ученостію, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, какъ напр. Константинъ Экономъ.

Наконецъ Иннокентій задумалъ о популярномъ изданіи при академіи съ религіозно-нравственнымъ характеромъ, надѣясь также сдѣлать это изданіе органомъ литературнаго общенія академіи съ духовными писателями, особенно изъ пастырей. По благословенію м. Евгенія, онъ основалъ въ 1837 г. духовный журналъ «Воскресное Чтеніе». Послѣ Иннокентія главными участниками дѣла были: іеромонахъ Димитрій, про-

тоіерей Скворцевъ, Я. К. Амфитеатровъ и П. Авсенева. Иннокентій самъ украшалъ его своими проповѣдями и др. статьями. Здѣсь же въ первые годы помѣщено нѣсколько краткихъ и общепонятныхъ изъ тѣхъ др. исповѣданій вѣры, о собраніи и ученомъ изданіи которыхъ давно уже заботился Иннокентій. Так. обр. интересъ науки соединялся здѣсь съ интересомъ назиданія. Тоже было и во многихъ др. статьяхъ журнала по изясненію Библии, христіанскаго богослуженія, по церковной исторіи, патрологіи, христіанской философіи и проч. Три первые изъ названныхъ участниковъ дѣла были наиболѣе плодотворны своими статьями, въ которыхъ, не смотря на ихъ краткость, рельефно высказывались особенности научнаго развитія каждаго изъ нихъ. Рельефно выразился здѣсь и Теофанъ Авсенева съ своими философско-поэтическими созерцаніями, полными однако христіанскаго назиданія ¹⁾. Впослѣдствіи изъ наставниковъ академіи наиболѣе трудились для «Воскреснаго Чтенія» профессора: Н. А. Оворовъ и И. П. Максимовичъ, частію Граниковъ ²⁾. Многіе изъ русскихъ архипастырей выразили свое

---

¹⁾ Наиболѣе характерна въ этомъ отношеніи статья Авсенева: *Чаяніе великой суботы въ природѣ* (въ I годѣ «Воскр. Чтен.»). Подобныя статьи читались тогда съ восторгомъ. Христіански-эстетическимъ чувствомъ отличались особенно статьи Амфитеатрова, краткія, но выразительныя, отрывочныя, но полныя глубокой мысли, облеченной большею частію въ какой либо образъ. Постигая высокія достоинства старинныхъ русскихъ проповѣдниковъ, онъ помѣщалъ въ «В. Чт.» переложенія или переводы ихъ, какіе поручалъ иногда дѣлать и студентамъ. Ему же принадлежитъ напеч. тамъ же и потомъ отдѣльно изданный переводъ писемъ св. Златоуста къ Олимпіадѣ. Скворцевъ, какъ строгій логикъ, писалъ свои статьи въ В. Чт. большею частію систематически, такъ что изъ нихъ почти всегда выходили отдѣльныя изданія, каковы особенно поученія, библейская и церковная исторія, бывшая учебникомъ въ свѣтскихъ училищахъ. Изъ напеч. въ В. Чт. проповѣдей рект. Дмитрія составились два тома собранія словъ, бесѣдъ и рѣчей.

²⁾ Максимовичъ былъ долгое время и въ числѣ редакторовъ «Воскр. Чтенія». Между прочимъ онъ помѣщалъ здѣсь статьи по русской церковной исторіи, кафедрой которой временно (оч. недолго) занималъ. Онъ напечаталъ также свой

сочувствіе изданію, помѣщая въ немъ особенно проповѣди, и прежде всего—новый архипастырь кievскій м. Филаретъ ¹⁾). Не ограничиваясь періодическимъ изданіемъ, академія по мысли м. Филарета и Иннокентія приготовила два тома сборника догматическихъ и другихъ статей религіознаго содержанія для народа; но большая часть ихъ вошла потомъ въ Воскресное Чтеніе ²⁾). Вообще въ отечески—благодушномъ преемникѣ Евгенія

Кievскій Паломникъ, имѣвшій нѣсколько изданій. Фаворовъ, кромѣ статей гомилетическихъ, экзегетическихъ, религіозно-правственныхъ, печаталъ рядъ статей по патрологіи, бывшихъ тогда большою находкою послѣ недавняго введенія въ академіяхъ и семинаріяхъ этой науки. Граниковъ, извѣстный строжайшею акуратностію, съ какою онъ вычитывалъ на длинныхъ лекціяхъ своихъ громадныя кны составленныхъ имъ записокъ по всеобщей исторіи, помѣщалъ въ «В. Чт.» между прочимъ объясненія пророчествъ о древнихъ царствахъ.

¹⁾ Въ первые годы архипастырства своего въ Кіевѣ м. Филаретъ часто давалъ свои назидательныя проповѣди для напечатанія въ «В. Чт.» Впослѣдствіи онъ большею частію проповѣдывалъ уже—не пиша своихъ проповѣдей, потому ихъ невидно въ печати. Изъ другихъ архипастырей чаще помѣщали здѣсь свои проповѣди: Кирилъ подольскій и брацл., Анатолій могилевскій, потомъ Евсеій (нынѣ экзархъ Грузіи).

²⁾ Приводимъ имѣющееся у насъ собственноручное письмо Филарета къ Иннокентію изъ Петербурга, уиоминающее и о сборникѣ:

Преосвященный владыко! Любезный о Господѣ братъ!

Благодареніе Господу Богу, что у насъ въ Кіевѣ все благополучно. Мое здоровье довольно хорошо, только доселѣ страдаю тоскою по святыни кievской.

Списокъ недостающихъ пособій для составленія догматическаго сборника пожалуйста доставте ко мнѣ. А я передамъ графу, который о семъ дѣлѣ очень заботится. Сдѣлайте милость поскорѣ пришлите конспектъ богословскихъ наукъ, составленный о. А. Димитріемъ. Въ этомъ здѣсь большой недостатокъ. Я употребляю его въ пользу.

По представленію г. Темкина (?) пришлите ко мнѣ официальное отношеніе съ вашимъ мнѣніемъ.

Хотя теперь очень трудно поправить прежнее невниманіе къ нуждамъ кievскаго духовенства, ибо сумма вся уже назначена, впрочемъ по частнымъ прошеніямъ можно дѣлать въ св. Синодѣ представленіе объ окладахъ. А въ большомъ видѣ начинать дѣло о семъ неудобно. Суріозно помншляють о пазна-

м. Филаретъ академія видѣла искреннюю заботу о ходѣ академическаго образованія. Но взглядъ на потребности дух. образованія былъ у него не совсѣмъ таковъ, какъ у Евгенія. Выше всего ставилъ онъ знаніе строгодогматическое, особенно знаніе св. писанія, которое самъ зналъ удивительно, какъ знали древніе отцы подвижники, день и ночь поучавшіеся въ законѣ Божіемъ. Далѣе затѣмъ онъ особенно цѣнилъ науку проповѣдничества, сообразуясь и съ собственнымъ духомъ и съ словами незабвеннаго Монарха, сказанными ему при назначеніи въ Кіевъ объ академіи: *да образуетъ сей древнѣйшій въ отечествѣ нашемъ вертоградъ наукъ смиренномудренныхъ проповѣдниковъ слова Божія!* Вообще отъ науки онъ требовалъ паче всего плодовъ жизни, плодовъ благочестія. Самъ глубокій аскетъ, онъ аскетизмъ ставилъ выше учености. Подъ его вліяніемъ духъ аскетизма, замѣтный и прежде, сильно развился въ академіи, обнаруживаясь поступленіемъ въ монашество многихъ наставниковъ и лучшихъ студентовъ, которымъ самъ философъ Теофанъ внушалъ благоговѣніе къ архипастырю, какъ «великому молитвеннику». Но и самихъ философовъ нашихъ архипастырь — молитвенникъ поучалъ плѣнять разумъ въ послушаніе вѣры, сдерживалъ ихъ смѣлыя паренія, болѣе довѣряя философіи

ченіи жалованья всему духовенству російской церкви. Тогда частные оклады сами собою прекратятся.

Якову Космичу еще накрѣпко подтвердите, чтобы постарался обработать лекціи къ новому году или по крайней мѣрѣ къ концу настоящаго курса представилъ.

Поручая себя святымъ молитвамъ вашимъ, есмь и пребуду вашего преосвященства

Усерднѣйшій слуга,

Филаретъ М. кievскій.

7 Нояб. 1838.

Сорокъ лѣтъ монашества моего окончилось.

Скворцева, чѣмъ Теофана ¹⁾. Онъ не могъ одобрить критицизма въ духовной наукѣ, не увѣрившись въ его безопасности. Внушаемая имъ осторожность была какъ будто предуказаніемъ на приближающееся время болѣе напряженной критической работы въ академической наукѣ.

Стремленіе къ историко-критическому и болѣе специальному изученію есть послѣднее направленіе нашей науки. Оно болѣе или менѣе сказывается и въ характерѣ преподаванія и въ учено-литтературныхъ трудахъ преподавателей академіи.

Въ характерѣ преподаванія преемника арх. Димитрія, профессора и доктора богословія арх. Антонія ²⁾ мы ограничимся указаніемъ одной черты, особенно знаменательной въ пору перехода нашей науки къ указанному направленію: это духъ нѣкотораго особеннаго благоговѣнія къ святынь христіанской истины,—это духъ благоговѣйнаго истинолюбія, который слушающихъ его настраиваетъ къ тому, чтобы они, *вся искушая, добрая держали*, чтобы, среди наплыва разныхъ искусительныхъ воззрѣній, они умѣли блюсти самую сущую, прямую истину. Въ то же время ректоръ Антоній внялъ желанію наставниковъ академіи основать новое періодич. учено-литтературное изданіе, которое открыло бы возможность вмѣщать ученые труды такихъ размѣровъ, какіе требуются болѣе специальнымъ изученіемъ. Выработанная при Антоніѣ мысль осуществилась, по благословенію м. Исидора, усвоившаго по-

---

¹⁾ Извѣстно, что экзамены по философіи, производимые м. Филаретомъ, иногда тяжело обходились Теофану. Ревнитель богословской истины, архипастырь рѣзко и строго выражался нерѣдко о философскихъ терминахъ, трактатахъ, особенно по исторіи философіи, гдѣ ему противны были не только философскія формулы, но самыя имена какого либо Спинозы или Гегеля. Теофанъ, главный профессоръ философіи, вызывался и къ наибольшей отвѣтственности за нее. Онъ однако кротко покорялся своей судьбѣ, искренно уважая чистоту побужденій, въ слѣдствіе которыхъ нападали на его философію.

²⁾ Нынѣ архіепископъ казанскій.

вому изданію названіе «Труды Академіи», уже въ 1860 г. при ректорѣ Іоанникиѣ, послѣ котораго найдена возможность расширить изданіе, нынѣ достигающее 30-ти томовъ. Между тѣмъ не прекратилось и прежнее изданіе, давшее матеріалъ для двухъ большихъ томовъ общепонятныхъ поученій, выбранныхъ изъ него и изданныхъ стараніемъ ректора; а потомъ и само оно, сообразно съ требованіями времени, специализировалось въ изданіе народно-педагогическое ¹⁾. Возвращаясь къ обзору самой науки, общее указанное направленіе которой выразилось въ одушевленныхъ психическимъ анализомъ лекціяхъ по нравственному богословію проф. Леонтія и проникнутыхъ глубокою критикою лекціяхъ проф. Іоанникия, мы обозначили бы это направленіе ея въ слѣдующихъ частнѣйшихъ чертахъ:

1. Въ проникновеніи историческаго метода изученія почти во всѣ науки. Эта черта обнаруживается прежде всего въ болѣе широкое изученіи и изложеніи самой исторіи науки. Если въ нѣкоторыхъ наукахъ оно является съ 50-хъ годовъ только обширнѣе прежняго, то въ другихъ впервые является теперь въ видѣ *важной части* научныхъ курсовъ. Цѣль изученія исторіи науки состоитъ не только въ обзорѣніи фактическаго состоянія науки въ прежнее время и ея постепенно

---

¹⁾ *Собраніе поученій на всѣ воскресные и праздничные дни и дни св. сорокастницы*, изданное стараніемъ ректора Антонія въ 2-хъ большихъ томахъ и въ значительномъ числѣ экземпляровъ, имѣло въ свое время большой расходъ, издавалось и вторично. Еще болѣе успѣхъ имѣли «Бесѣды сельскаго священника», вышедшія четырьмя изданіями въ начальномъ видѣ своемъ и двумя—въ новомъ, значительно расширенномъ. Первое, хотя въ немъ участвовалъ и Іakovъ Космичъ, сдѣлано архим. Антоніемъ въ бытность его ректоромъ кievской семинаріи, которому принадлежатъ и три послѣдующія изданія. Два новыя изданія принадлежатъ академіи. Средства, полученія отъ выписки «Собранія поученій» и «Бесѣдъ сельскаго священника», послужили однимъ изъ главныхъ обезпеченій и для новаго изданія «Трудовъ академіи», которое, при своемъ ученomъ характерѣ, не могло, особенно въ первые годы, опираться на одну подписку.

возрастающих матеріаловъ, источниковъ и пособій, но и въ изложеніи постепеннаго развитія самой идеи науки, ея различныхъ направленій, которое должно привести къ болѣе глубокому и цѣлостному опредѣленію задачъ науки, условливаемыхъ ея сущностію и совр. требованіями. Высшею цѣлію такого изученія исторіи науки будетъ для насъ, конечно, болѣе самостоятельная постановка каждой отрасли дух. науки съ научно-православныхъ точекъ зрѣнія на нихъ. Но, далѣе, историческій методъ изученія проникаетъ часто и въ изложеніе всего научнаго курса, такъ что положительному изложенію того или другаго предмета, отдѣльнаго вопроса науки, особенно важнѣйшаго, предпосылается историческое изученіе его. Увлеченіе этою стороною изученія было такъ велико, что даже въ такой наукѣ, какъ нравственное богословіе, преподаватели (послѣ проф. Леонтія) занимались иногда гораздо болѣе изложеніемъ послѣдовательнаго развитія разныхъ системъ хр. нравственнаго ученія, чѣмъ широкимъ изложеніемъ положительной, опредѣленной системы его. У преподавателей общительнаго богословія историкокритическое изученіе разныхъ неправыхъ ученій и сектъ религіозныхъ преобладаетъ настолько, что, такъ сказать, не оставляетъ мѣста особой полемикѣ съ ними съ цѣлію опроверженія, которое должно само собою вытекать изъ познанія ихъ сущности и исторіи. Особенно плодovitо въ сравненіи съ прежнимъ временемъ выступаетъ историческое изученіе по предмету церковной словесности, гдѣ совершенно вновь излагаются обширныя части изъ исторіи проповѣдничества древняго и новаго.

2. Но въ связи съ историческимъ критическое направленіе нашей науки усиливалось особенно тамъ, гдѣ она соприкасалась съ современными богословскими и философскими теоріями и цѣлыми системами или школами, въ характерѣ которыхъ чувствовалось посягательство на священнѣйшіе инте-

ресы нашей духовной науки, или усматривалась возможность сближенія съ ея самобытными началами, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пользованія пріобрѣтеніями и успѣхами чужой науки. Такъ напр. наша догматика, не измѣняя положительнаго содержанія своего курса, съ напряженіемъ занималась разборомъ пантеистическихъ теорій, еще не утратившихъ своего обаянія въ умахъ не только философовъ, но и рачіоналистическихъ богослововъ. Наши богословы работали также надъ изобличеніемъ тѣхъ мнимобогословскихъ теорій, представителями или популяризаторами которыхъ служатъ въ новѣйшее время Бауръ, Фейербахъ, Шлейермахеръ, Шенкель, Ренапъ и др. Съ другой стороны наша наука сочувственно слѣдила за трудами такихъ ученыхъ благомыслящихъ, хотя и иновѣрныхъ, какъ Неандеръ, Лянге, Дэрнеръ, Эбрардъ, Тишендорфъ, Прессансе, Лютардтъ и под.; слѣдила за новыми полезными пріобрѣтеніями и изданіями католическихъ и протестантскихъ ученыхъ обществъ и лицъ, наконецъ за развитіемъ церковнаго сознанія у лучшихъ людей запада, ищущихъ сближенія съ православною церковію. Въ философіи указанная черта новаго направленія выражается въ усиленіи психологическаго анализа, естественномъ послѣ нѣкотораго разочарованія въ силѣ философской созерцательности. Это время углубленія философской мысли въ саму себя, для объясненія себя самой, для самоиспытанія; она удерживается отъ построенія смѣлыхъ идеальныхъ системъ, остерегаясь ихъ фантастичности и болѣе и болѣе стремясь перейти отъ идеальной возможности къ дѣйствительной опредѣленности. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится строже и отчетливѣе критика философскихъ системъ, пересудъ и перецѣнъ всего мысленнаго міра понятій, постоянно сопровождаемая анализомъ духовныхъ силъ и средствъ. Словомъ, аналитическая психологія и критическая исторія философіи преобладаютъ въ нашей философской наукѣ. Изъ филосо-

фовъ въ это время тщательно изучаются и цѣнятся всѣ вообще писатели, извѣстные своими психологическими анализами, напр. въ Германіи: Гербартъ и психологи его школы, Вайцъ, Лотце, Фолькманнъ, Бенекке и его школа, Шопенгауеръ, Фихте младшій и др.; въ Англіи: Ридъ, Стюартъ, Броунъ, Милль и др.; во Франціи—обширная группа психологической школы Кузена и проч. Но особенно цѣнятся тѣ, кои въ борьбѣ съ матеріализмомъ и скептицизмомъ защищаютъ высшіе духовные интересы человѣческой природы. Въ «Трудахъ Академіи» впервые выступила въ недавнее время сильная научная критика матеріалистическихъ теорій, зашедшихъ съ запада въ нѣкоторые литературные органы. Между тѣмъ теперь, какъ и при Инноцентіѣ, академія изъ запаса своихъ научныхъ силъ въ области философіи надѣлила два русскіе университета.

3. Наконецъ, стремленіе къ болѣе спеціальному изученію выразилось частію въ новомъ развѣтвленіи нѣкоторыхъ научныхъ курсовъ, частію въ спеціальныхъ трудахъ преподавателей въ той или другой научной области.

Еще въ 1843 г., по мысли митр. Филарета, въ академіи хотѣли ввести преподаваніе педагогіи, въ связи съ курсомъ пастырскаго богословія. Ректоромъ Димитріемъ составлена была и программа педагогіи. Ректоръ Антоній, въ концѣ XVI курса, читая пастырскую педагогію, присоединялъ къ ней изложеніе началъ общей педагогіи и методики. Въ послѣднее время введена была и особая кафедра педагогіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оба періодическія изданія академіи представили рядъ статей, имѣющихъ цѣлію лучшее опредѣленіе научно-педагогической постановки тѣхъ или другихъ предметовъ академическаго или семинарскаго курса или же примѣненіе общихъ началъ педагогіи къ дѣлу народнаго образованія. Общая церковная исторія съ 1862 г. приобрѣла другую кафедру для

новой исторіи, изслѣдованія по которой болѣе и болѣе умножаются въ нашихъ изданіяхъ, гдѣ также повременно предлагались обзорѣнія важнѣйшихъ явленій въ современной церковной жизни запада. Съ 1863 г. приобрѣла новую кафедру и русская гражданская исторія, а еще прежде изъ обличительнаго богословія выдѣлилось ученіе о русскомъ расколѣ для болѣе спеціальнаго изученія его на особой кафедрѣ. Крайняя скудость въ Кіевѣ и акад. библіотекѣ старопечатныхъ и рукописныхъ книгъ, необходимыхъ для такого спеціальнаго изученія, восполнена только недавно, благодаря дорогимъ пожертвованіямъ ученаго и трудолюбиваго корреспондента академіи, наставника олонецкой семинаріи г. Барсова. Частныя изслѣдованія по русской исторіи касались разныхъ предметовъ и лицъ изъ исторіи Руси юго-западной, также эпохи Петра и Екатерины, исторіи русскаго проповѣдничества, исторіи науки старой академіи; издавались памятники западно-русской литературы, и въ послѣднее время начато особое спеціальное изданіе, посвященное памятникамъ южно-и западно-русской историко-полемиической литературы съ конца XVI в. Въ связи съ общею и русскою исторіею изучалась исторія славянская, и въ изслѣдованіяхъ по ней упражняемы были особенно студенты изъ славянъ же, акад. труды которыхъ имѣются и въ русской печати. Далѣе, упомянутый нами обширный историческій курсъ общей церковной словесности представляетъ и спеціальныя изслѣдованія о такихъ проповѣдникахъ, которые не были или почти не были доселѣ извѣстны въ нашей литературѣ. На кафедрѣ литургики преподаватель посвящалъ свои учено-спеціальныя изслѣдованія вопросамъ церковной археологіи. Преподаватель патрологіи, выдѣливъ для болѣе спеціальнаго изученія философію отцевъ и учителей церкви, издалъ первый томъ своего обширнаго труда. Съ 1860 года непрерывно издаются въ «Трудахъ Академіи» тво-

ренія отцевъ западной церкви въ русскомъ переводѣ съ учеными изслѣдованіями о нихъ. Творенія зап. отцевъ, кромѣ общаго значенія своего для богословской науки и духовнаго просвѣщенія, важны еще тѣмъ, что раскрываютъ намъ начала и преданія вселенскаго православія въ др. западной церкви, къ обличенію позднѣйшаго латинства и папства и къ большому подтвержденію православія. Обязанность перевода какъ бы сама собою возлагалась на академію преданіями старины. Послѣ Кипріана и Іеронима, началось съ 1866 г. изданіе твореній блаженнаго Августина (которымъ довольно занимались у насъ и въ прежнее время ¹⁾), въ чемъ академія имѣла счастье осуществить мысль ея Величества Государыни Императрицы. вмѣстѣ съ другими академіями и наша академія участвовала въ трудахъ по исправленію перевода новаго завѣта, а именно Евангелія и посланій св. Іоанна Богослова. Обзоръ исторіи свящ. текста во всей церкви, и въ частности въ церкви русской, представляетъ въ занятіяхъ преподавателя свящ. библіологіи начатокъ дальнѣйшихъ, болѣе спеціальныхъ изслѣдованій его по этому предмету. Наконецъ еврейская филологія и библейская археологія сдѣлали новые успѣхи въ смыслѣ спеціальнаго изученія. Знатокомъ въ этой области былъ еще профессоръ И. П. Максимовичъ. Каѳедру евр. языка онъ оживлялъ чтеніями по библейской археологіи и составилъ по ней записки. Съ 1859 г., поощряемый м. Исидоромъ, онъ занялся переводомъ нѣкото-

---

¹⁾ Еще Я. К. Амфитеатровъ перевелъ и напечаталъ «Христіанскую науку» блж. Августина. Оаворовъ въ 1857 г. издалъ ученое изслѣдованіе: «Жизнь и творенія блж. Августина». Онъ же писалъ біографію и обзоръ сочиненій блж. Кипріана, напеч. въ 1-й книжкѣ «Трудовъ» 1860 г. Редакціей перевода твореній Кипріана первоначально завѣдывалъ сильный знатокъ классической и отеческой латыни В. Чеховичъ, сидѣвшій за фоліатомъ этихъ твореній еще за нѣсколько часовъ до своей внезапной кончины (20-го ноября 1862 г.).

рыхъ книгъ В. З., перевелъ и напечаталъ книгу Экклезіаста, а съ 1861 г. началъ помѣщать въ «Трудахъ» переводъ кн. Царствъ, за которымъ его застигла неожиданная кончина. Трудъ этотъ продолжалъ преемникъ его М. Гуляевъ, переведшій девять книгъ историческихъ, какой трудъ изданъ уже, послѣ его тоже внезапной кончины, редакціей «Трудовъ». Но въ нашей скорби о безвременно умирающихъ мы утѣшаемся по крайней мѣрѣ тѣмъ, что не умираетъ наука, приобретаемая на мѣсто умершихъ новыя, свѣжія силы. Теперь на нашей еврейской кафедрѣ расширено и углублено историко-филологическое изученіе свящ. языка, между тѣмъ продолжался и переводъ священныхъ книгъ, и уже конченъ переводъ величественной книги пр. Исаи. Особенность этихъ переводовъ, совершаемыхъ съ постояннымъ вниманіемъ къ трудамъ знаменитѣйшихъ представителей евр. науки, составляетъ то, что они непрерывно сопровождаются въ нашихъ изданіяхъ учеными примѣчаніями: историческими, археологическими, филологическими, сравнительно-критическими.

Въ заключеніе всего мы должны сознаться, что нашей наукѣ недостаетъ многого, особенно въ смыслѣ спеціальнаго изученія. Мы далеки отъ самообольщенія. Только мечтательный умъ можетъ вообразить себя всезнайкой, измѣрившимъ необъятную область всѣхъ спеціальныхъ знаній. Особенно не легки были для нашей науки изслѣдованія по позднѣйшей исторіи и церк. жизни Востока. Въ этой области наука наша вспомоществовалась отчасти трудами уч. корреспондентовъ академіи, преосв. Порфирія и архим. Антонина, памятнаго здѣсь какъ воспитанника и профессора академіи, въ чувствахъ благожеланія ей и ея наукѣ, восполнившего своими пожертвованіями скудный у насъ дотолѣ запасъ памятниковъ др. греч. и слав. письменности. Съ другой стороны, при все болѣе и болѣе усиливающемся стремленіи нашей

науки къ аналитико-критическому изученію, она часто остерегалась отъ цѣлостныхъ, синтетическихъ построеній, отъ докторальности въ общихъ выводахъ, болѣе возможныхъ лишь въ будущемъ. Въ исторіи науки слишкомъ извѣстны примѣры, какъ иногда преждевременны и односторонни бываютъ такіа построенія и выводы даже у несомнѣнно-ученыхъ спеціалистовъ, думающихъ изъ нѣсколькихъ, собранныхъ ими, камушковъ построить цѣлое зданіе, и отъ не многихъ, хоть бы и вновь замѣченныхъ ими фактовъ, поспѣшающихъ къ общимъ своеобразнымъ выводамъ, которые однако оказываются далеко не сообразными съ цѣлымъ рядомъ другихъ, болѣе обследованныхъ фактовъ. Наконецъ, съ признательностію замѣчая признаки сочувствія нашей наукѣ со стороны общества,—сочувствія, на которомъ отчасти опиралось и матеріальное обезпеченіе нашихъ період. изданій, не имѣющихъ никакихъ казенныхъ средствъ, мы тѣмъ не менѣе не скрываемъ отъ себя, что нашей наукѣ многого недостаетъ и въ силѣ популяризаціи. Думаемъ однако, что успѣхъ ея въ этомъ отношеніи будетъ зависѣть не исключительно отъ нея самой, а также отъ развитія церковнаго сознанія въ самомъ обществѣ, отъ большаго сближенія его съ родною церковію, въ которой среди бурь и превратностей, колебавшихъ землю русскую, неоднократно спасалась, какъ въ Ноевомъ ковчегѣ, духовная самобытность русскаго народа, опирающагося вмѣстѣ съ тѣмъ на несокрушимую твердыню своей беззавѣтной любви и надежды на вѣнчаннаго помазанника, Царя-Государя!

Отъ Его царственной мудрости и благодати и наша духовная наука получаетъ нынѣ новыя средства къ дальнѣйшему, болѣе самостоятельному и плодovitому развитію.—И доколѣ голосъ ея не замретъ на этомъ, вѣками освященномъ мѣстѣ—а можетъ ли онъ замереть?—дотолѣ не замретъ здѣсь благодарная молитва о Немъ и Его Августѣйшемъ домѣ!

Сердца наши исполнены благодарностію и къ тѣмъ, чье благовременное ходатайство обратило царственный всемілостивѣйшій взоръ на нашу дух. науку, съ которою такъ тѣсно связаны духовные интересы всего общества.

Да позволено будетъ намъ въ эти торжественныя минуты, предъ лицомъ всего досточтимого собранія, возвысить голосъ сыновней благодарности тому, чье имя заключаетъ собою доселѣшній рядъ именъ ближайшихъ покровителей академіи, кievскихъ святителей. Высокопреосвященнѣйшій владыко! Твое имя знаемо было здѣсь гораздо прежде, чѣмъ мы увидѣли тебя на святительствѣ кievскомъ. Знали мы въ тебѣ доблестнаго іерарха и мужа науки, которой ты служилъ въ свое время, подобно амъ, на кафедрѣ профессорской и за движеніемъ которой ты не переставалъ слѣдить съ кафедры святительской. Въ памятникахъ академіи мы имѣемъ выразительныя свидѣтельства, какъ еще задолго до сего ты дѣлился съ академіею плодами твоего научнаго знанія и глубокаго богословскаго разумѣнія. Святительствуя многіе годы въ юго-западномъ краѣ и расширяя наукою то знаніе его, какое давали опыты жизни, ты съ рѣдкою провицательностію освѣщаль для насъ таинники его исторіи. Дорожа твоимъ вниманіемъ, академія еще въ 1853 г. просила и удостоилась получить твое согласіе на принятіе званія почетнаго члена ея конференціи. Въ санѣ святителя кievскаго, ты сталъ во главѣ нашего ученаго братства, надзирая нашу дѣятельность, повѣряя наши успѣхи, указывая путь къ высшимъ успѣхамъ. Твое благосердіе, одушевленное ревностію о духовной наукѣ, ознаменовалось щедрыми благодѣянiями академіи. Подобно Петру Могилѣ, ты призвалъ къ такому подвигу и обитель печерскую, на пространствѣ вѣковъ связанную съ академіею союзомъ духовнаго братства, который нерѣдко открывалъ мѣсто воспитательному вліянію живущаго въ ней подвижническаго духа. Твой пастырскій голосъ,

голосъ мудрости и благости, доселѣ путеволившій насъ, внимающихъ ему съ сыновнимъ усердіемъ, да путеводитъ насъ и въ грядущіе лѣта новой жизни нашей.

Да позволено будетъ также обратить голосъ и къ вамъ, преосвященные іерархи, удостоившіе изъ близкихъ и дальнихъ краевъ великой земли русской прибыть на этотъ скромный праздникъ нашъ, чтобы своею, истинно-соборною молитвою помянуть трудившихся здѣсь для науки и, такъ сказать, освятить самую эту науку. Если вамъ и всѣмъ архипастырямъ и священнослужителямъ, удостоивающимъ теперь насъ своими привѣтами и благословеніями изъ дальнихъ мѣстъ, если вамъ памятна родная академія; то она тѣмъ болѣе не забываетъ, что не наукой только школы, а паче всего собственною наукою вашего духа и подвигами жизни вы стяжали то высокое званіе и имя въ церкви, отсвѣтъ котораго озаряетъ нынѣ новымъ блескомъ и наше скромное призваніе. Лучшая похвала для насъ въ томъ, если вы видите, что мы тѣмъ же духомъ водимся и жительствоуемъ, какимъ одушевлялись вы здѣсь и сугубо одушевляетесь на разныхъ поприщахъ свящ. служенія, и если мы дадимъ вамъ надежды на возвращеніе въ этомъ разсадникѣ новыхъ достойныхъ дѣлателей на необозримой цивѣ церкви Божіей ¹⁾.

---

¹⁾ Списокъ русскихъ и иностранныхъ архипастырей изъ бывшихъ воспитанниковъ кievской академіи, представленный въ порядкѣ курсовъ:

- 1) Иннокентій (Борисовъ), архіеп. херсонскій, изъ семинаріи орловской, I курса ак.
- 2) Іустинъ (Михайловъ), б. еп. владимірскій, — — орловской, I — —
- 3) Антоній (Шокотовъ), архіеп. киевскій, — — харьковской, I — —
- 4) Поликарпъ (Радкевичъ), еписк. орловскій, — — подольской, I — —
- 5) Анатолій (Мартыновскій), б. архіеп. могилевскій, — подольской, II — —
- 6) Израиль (Лукинъ), б. епископъ винницкій, — — орловской, II — —
- 7) Паоананъ (Савченковъ), архіеп. архангельскій, — курской, II — —
- 8) Николай (Доброхотовъ), б. еп. тамбовскій, — — орловской, III — —
- 9) Григорій (Миткевичъ), епископъ калужскій, — — черниговской, V — —

Смѣемъ однако сказать, что мы далеко не безнадѣжны за плодovitость почвы, на которой работаемъ послѣ другихъ, работавшихъ до насъ. Одни изъ видимыхъ ручательствъ такой надежды служатъ прибывшіе къ намъ съ привѣтомъ достопочтенные представители отъ многихъ рассадниковъ духовнаго образованія, въ томъ числѣ семинарій, могущихъ назваться какъ бы отростками этого средоточнаго рассадника, откуда въ теченіи 50 лѣтъ вышли многія сотни сѣятелей этого образованія въ разные, самые отдаленные края Россіи—отъ Вильны

-
10) Вассіанъ (Чудновскій), еп. екатеринбургскій,	— — харьковской, V — —
11) Димитрій (Муретовъ), архіен. херсонскій,	— — рязанской, VII — —
12) Евсевій (Ильинскій), экзархъ Грузіи,	— — курской, VII — —
13) Парфеній (Поповъ), архіен. иркутскій,	— — воронежской, VII — —
14) Петръ (Троицкій), епископъ аккерманскій,	— — владимірской, VII — —
15) Теофилактъ (Праведниковъ) еп. новгородъ-сѣверскій,	курской, VIII — —
16) Серафимъ (Аретинскій), еп. воронежскій,	— — орловской, VIII — —
17) Антоній (Амфитеатровъ), арх. казанскій,	— — орловской, IX — —
18) Евимій (Бѣликовъ), б. еп. саратовскій,	— — курской, IX — —
19) Никандръ (Покровскій), еписк. тульскій,	— — кievской, IX — —
20) Аполлосъ (Бѣляевъ) епископъ вятскій,	— — владимірской, IX — —
21) Іоаннъ (Петинъ), епископъ полтавскій,	— — орловской, IX — —
22) Теодосій (Шаловаленко), еп. тамбовскій, екатеринославской,	IX — —
23) Митрофанъ (Вицнскій) б. еп. оренбургскій,	— — воронежской, IX — —
24) Макарій (Булгаковъ), архіен. литовскій,	— — курской, X — —
25) Теофанъ (Говоровъ), б. еп. владимірскій,	— — орловской, X — —
26) Алексій (Новоселовъ), еп. екатеринославскій,	— — тверской, X — —
27) Нектарій (Надеждинъ), архіен. харьковскій,	— — тамбовской, XI — —
28) Іоаннъ (Рудневъ), епископъ олонецкій	— — орловской, XI — —
29) Геннадій (Левитскій), еписк. саранулскій	— — херсонской, XII — —
30) Ювеналій (Карюковъ), еп. михайловскій	— екатеринославской, XII — —
31) Іоаннскій (Рудневъ), еписк. саратовскій,	— — тульской, XIV — —
32) Теодосій (Макаревскій), еп. острогожскій	— — черниговской, XIV — —
33) Θεоктистъ (Поповъ), еп. старорусскій,	— — харьковской, XV — —
-
34) Филаретъ (Попеску-Скрибанъ), еписк. ставропольскій, въ Румыніи, X	курса.
35) Мельхиседекъ (Петровичъ-Стефанско), еп. вѣн. Дуная, въ Румыніи, XV	—
36) Михаилъ (Іоанновичъ), митрополитъ сербскій,	— — XVI —
37) Моисей, еп. шабачскій въ Сербіи,	— — — — XXI —

до Иркутска, отъ Перми до Кавказа ¹⁾. Мы думаемъ, что никто не можетъ серьезно отрицать успѣховъ духовнаго образованія за послѣднее 50-лѣтіе, кромѣ развѣ тѣхъ, кои отрицаютъ значеніе духовнаго образованія въ самой его сущности. Нельзя также отрицать, что эти успѣхи въ большей или меньшей степени условлены вліяніемъ духовной школы, представляемой академіями и семинаріями. Не забываемъ мы также, что эти успѣхи во многомъ не отвѣчаютъ желаніямъ даже лю-

---

Изъ списка русскихъ архимонастырей-воспитанниковъ академіи видно, что большая часть ихъ—великороссы. Это зависитъ не отъ численнаго перевѣса великорусскаго элемента въ составѣ воспитанниковъ академіи. До VIII курса включительно перевѣсъ этотъ былъ на стронѣ воспитанниковъ не великорусскихъ, и въ первые курсы даже сильный перевѣсъ. Только съ IX курса начинается численный перевѣсъ воспитанниковъ великорусскихъ, усиливающійся еще болѣе съ 1841 г., когда впервые послѣдовало отъ высшаго начальства предложеніе академическому правленію—вызвать въ составъ новаго курса воспитанниковъ изъ великорусскихъ семинарій не кievскаго учебнаго округа, вмѣсто нѣкоторыхъ семинарій этого округа не великорусскихъ. Между тѣмъ и до и послѣ VIII курса въ числѣ воспитанниковъ академіи, явившихся потѣмъ въ санъ архимонастырекомъ, постоянно преобладаетъ элементъ великорусскій. Причины этого явленія должны быть слѣд. нравственнаго свойства. Замѣтно вообще, что изъ студентовъ великоруссовъ чаще находились желающіе поступать въ монашество, чѣмъ изъ другихъ. Между тѣмъ въ числѣ выбывавшихъ изъ академіи, до окончанія курса, студентовъ менѣе видимъ великоруссовъ, чѣмъ другихъ.

¹⁾ Всѣхъ кончившихъ курсъ въ кievской академіи въ теченіи 50 лѣтъ (24 курса) считается 1239 ч. Мы видѣли, что число выбывавшихъ и умершихъ въ первые XV курсовъ послѣдовательно уменьшалось. Въ остальные курсы оно представляется въ слѣд. видѣ: въ XVI—XX поступило всѣхъ 247, выбыло 23, умерло 8, въ XXI—XXIV поступило 211, выбыло 18, умерло 6. Наибольшее число выбывшихъ въ первомъ изъ этихъ двухъ періодовъ падаетъ на XX курсъ и объясняется обстоятельствомъ, упоминаемымъ ниже, —обстоятельствомъ случайнымъ, вліяніе котораго отражалось однако и нѣсколько далѣе. Что касается до числа умершихъ въ послѣдніе періоды, то число ихъ было бы еще менѣе, если бы оно не увеличивалось случаями смертности тѣхъ студентовъ, которые уже сильно больными переводились изъ академіи петербургской въ кievскую ради болѣе здороваго климата въ кievѣ. Такіе переводы начались еще съ XII курса, но въ послѣдніе курсы встрѣчались чаще иррегулярно.

бителей духовнаго образованія въ обществѣ. Но мы просили бы ихъ быть справедливыми и согласиться, что далеко не всегда отъ самой духовной школы зависѣло, что она не могла сдѣлать тѣго, что должна бы сдѣлать. Въ исторіи нашихъ учебныхъ корпорацій найдется, къ сожалѣнію, много и очень много примѣровъ, какъ кандидаты и магистры академій, люди въ цвѣтѣ силъ, съ талантами, знаніями, скоро останавливались въ подвигѣ саморазвитія и самообразованія вслѣдствіе тяжелой борьбы съ тѣснотою, искушеніями и невзгодами жизни, и такимъ образомъ рано пропадали для науки или остались безъ приложенія ихъ силы, таланты, знанія. Съ другой стороны духовная школа истекшаго періода, называемая обыкновенно замкнутою, замкнулась, строго говоря, не сама собой, а силою вещей. Между тѣмъ послѣдствія этой замкнутости всею тяжестью пали лишь на нее одну. Въ ту пору, какъ мимо ея равнодушно проходили поколѣнія свѣтскаго общества, сама она не такъ крѣпко запирала свои двери, чтобъ не допускать изъ запаса ея силъ брать то, что кому было нужно. Брали изъ нея университеты, гимназій, военно-медицинскія, сельскохозяйственныя учрежденія, свѣтскія администраціи учебныя, гражданскія и др., и брали не рѣдко лучшія или болѣе развитыя и созрѣвшія дарованія и силы. Въ замѣнъ этихъ заимствованій дух. школа не получала почти ничего, кромѣ того содѣйствія, какое дается общимъ, для всѣхъ равномѣрно открытымъ, соотношеніемъ образовательныхъ элементовъ и какое далеко еще не то, что услуга наличными силами. Наша старая академія искала этихъ силъ даже изъ-за границы. Наши университеты и друг. ученныя и учебныя учрежденія собираютъ отовсюду въ Россіи—изъ всѣхъ мѣстъ и состояній общественныхъ, даже отъ всѣхъ почти національностей и ученыхъ учреждений Европы. Наша духовная школа развивала свои силы только изъ себя самой, такъ какъ другія силы ни

откуда не чувствовали притяженія къ ней. Въ виду этого и многихъ др. соображеній, едва ли могутъ быть умѣстны дѣлаемые ей иногда упреки въ отсталости отъ школы свѣтской. Но что бы ни говорили о ней другіе, мы имѣемъ довольно поводовъ радоваться за видимые успѣхи духовной науки въ послѣднее время, между прочимъ, и въ нашихъ семинаріяхъ. Въ 1836 г. Иннокентій, по совѣщаніи съ м. Евгеніемъ, сдѣлалъ въ собраніи конференціи слѣд. предложеніе «обязанность академической конференціи есть распространять и поощрять ученость въ своемъ округѣ. Сія обязанность исполнялась доселѣ по отношенію къ однимъ наставникамъ академіи и лицамъ, ближайшимъ образомъ соприкосновеннымъ къ конференціи. Между тѣмъ въ числѣ наставниковъ семинаріи могутъ быть также достойные поощренія и вознагражденія не только по своей особенной дѣятельности и успѣшному прохожденію возложенныхъ должностей, но и по особымъ трудамъ, принимаемымъ сверхъ классическихъ занятій, изъ любви къ учености и въ намѣреніи споспѣшествовать общей пользѣ просвѣщенія. Такъ какъ о таковыхъ трудящихся по семинаріямъ наставникахъ конференція не получаетъ никакого свѣдѣнія; то не благоугодно ли сдѣлать распоряженіе, чтобы конференціи ежегодно доставлялись свѣдѣнія изъ всѣхъ семинарій округа о тѣхъ наставникахъ, кои, сверхъ классическихъ занятій своихъ, произвели что либо особое, напр. написали какое-либо ученое сочиненіе, или изготовили переводъ какой-либо полезной книги, или усердно занимаются проповѣданіемъ слова Божія». За немногими исключеніями, утѣшившими Иннокентія, почти изъ всѣхъ семинарій послѣдовалъ отвѣтъ, что, кромѣ занятій по классамъ, наставники семинарій занимались еще только сказываніемъ проповѣдей. Иначе и быть не могло. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ сама комиссія духовныхъ училищъ, чрезъ академическое правленіе, сообщила семинаріямъ,

что, кромѣ обязательнаго сказыванія проповѣдей, наставники семинарій всѣ занятія свои должны посвящать только дѣлу преподаванія. Да при отсутствіи учебныхъ пособій не удивительно, что занятія по этому дѣлу могли, по выраженію коммисіи, безъ остатка наполнить все свободное время у нихъ. Но прошли годы, и положеніе дѣлъ измѣнилось. Въ настоящее время мы могли бы представить длинный рядъ учено-литтературныхъ трудовъ, принадлежащихъ наставникамъ семинарій, помѣщаемыхъ въ нашихъ академическихъ и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ, трудовъ, изъ которыхъ многіе достигаютъ замѣчательной специальности и свѣжести научной разработки предмета и нерѣдко выражаютъ собою развитіе трудовъ, начатыхъ ими еще въ академіи, въ студенчествѣ. Это—несомнѣнные признаки свѣтлой будущности нашей духовной науки!

Новые успѣхи ея будутъ зависѣть во многомъ отъ большаго сближенія нашей науки со всею русскою наукою. Послѣ опытовъ прошедшаго новымъ подкрѣпленіемъ нашихъ надеждъ на такое сближеніе служить и настоящіи праздники, который удостоиваютъ своимъ присутствіемъ столько извѣстные въ ученомъ мірѣ представители русской науки, изъ коихъ нѣкоторые связаны съ академіею и особенными воспоминаніями своей многодѣятельной и многоплодной жизни. Доброе участіе ваше, люди науки, обязываетъ насъ и предъ вами и предъ вашею наукою.

Но рѣчь наша спѣшитъ обратиться къ тебѣ, преосвященнѣйшій, въ которомъ мы съ глубочайшею отрадою сердца видимъ нашего товарища по академическому воспитанію. Это братское училище много видѣло у себя достойныхъ воспитанниковъ изъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братій нашихъ въ Сербіи свободной, Сербіи австрійской, Далмаціи, Черногоріи, Герцеговинѣ, Босніи, Болгаріи, Молдавіи, Валахіи, Греціи, Сиріи. Нынѣ они съ честью трудятся для роднаго края, подвизаются за род-

ное дѣло, родную вѣру; иные стали руководителями общественного мнѣнія лучшихъ людей своей родины, основателями школъ, учителями народа, иные украшаютъ кафедры святительскія ¹⁾. Но лучшею похвалою нашею явился ты, вмалѣ исполняющій лѣта долга, просвѣщенный и народолюбивый пастырь доблестной Сербіи, въ которой почиютъ выпѣ надежды великой будущности юго-славянскаго міра. Духъ всенароднаго освященнаго церковію братства спасъ нѣкогда и этотъ многострадальный край, спасалъ и всю Россію: пусть онъ, какъ Духъ Божій, носится надъ всѣмъ великимъ міромъ славянскимъ и вдохнетъ въ него могучую зиждительную силу, чтобъ надъ всѣмъ этимъ міромъ возсіалъ прекрасный день новой жизни.

Отъ мысли о всенародномъ братствѣ наше училище обращаетъ насъ къ братству мѣстному, или обществу этого бого-

¹⁾ Поступленіе въ академію воспитанниковъ изъ инопостранцевъ, намъ единовѣрныхъ или единоплеменныхъ, начинается съ 1-го курса, но до XV случаи такого поступленія были очень рѣдки. Съ этого же курса воспитанниковъ—иностранныхъ видимъ уже въ *каждомъ* курсѣ и притомъ все въ большемъ и большемъ числѣ. Изъ этихъ воспитанниковъ академіи извѣстны своею благотѣльной дѣятельностію на родинѣ, кромѣ названныхъ выше архипастырей: Ѳ. Стояновъ, болгаръ, XVIII в., энергически противудѣйствовавшій болгарской—уніатской партіи, имѣвшей своимъ органомъ газету *Цариградскій Вѣстникъ*, изд. болгаро-уніатомъ Цанко. Стояновъ боролся съ нею и оружіемъ науки, основательно изучивъ болгарскую исторію еще въ академіи, гдѣ написалъ и сочиненіе: *о началѣ и утвержденіи христіанства въ Болгаріи* (напеч. въ Хр. Чтеніи 1859 г.). Съ указанною цѣлію онъ нѣкоторое время издавалъ газету: *Время*, потомъ—*Совѣтникъ*. Заботился Стояновъ и о болгарскихъ школахъ. Извѣстны далѣе сербы—преподаватели ~~бу~~градской семинаріи и лицея. Въ настоящее время воспитанникъ XXIII курса Миланъ Костицъ (авторъ напечатаннаго въ «Трудахъ Академіи» сочиненія о *сербской церкви въ Австріи*), завелъ первую семинарію въ Цѣтинѣ. Надобно однако сказать, что многіе изъ болгаръ и сербовъ Герцеговины и Босніи встрѣчали и встрѣчаютъ неодолимыхъ препятствій къ приложенію своихъ силъ, знаній, своей дѣятельности на родинѣ. Препятствія эти идутъ съ разныхъ сторонъ... Не одному изъ нихъ приходилось страдать уже за одно то, что они воспитывались въ Россіи. Вотъ почему нѣкоторые изъ нихъ по окончаніи академіи или не возвращались на родину, оставаясь на службѣ въ Россіи, или, побывавъ на родинѣ, должны были возвращаться въ Россію.

женіе этого сочувствія мы готовы видѣть въ самомъ этомъ посѣщеніи нашего праздника высшими особами, состоящими во главѣ управленія и общества кіевскаго.

Да позволено будетъ намъ предъ вами, именитые сановники и представители здѣшняго общества, и предъ всѣмъ величественнымъ собраніемъ этимъ излить чувства глубочайшей, благоговѣйной признательности къ великодушному Монарху, который, воззвавъ Кіевъ и этотъ край къ новой лучшей жизни, являетъ нынѣ высочайшую милость свою и нашей духовной школѣ, воззываемой имъ къ новой жизни. А молитвами и благословеніемъ Вашего святительства, благосердый архипастырь нашъ, да управить насъ Господь Богъ на новый путь духовнаго преслѣянія въ наукѣ и жизни!

И. Мальшевскій.

